

Гильмутдинов Ирек

ПРИВЕТ МАГИЯ

ПЕГАРОГ

Книга третья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирек Гильмутдинов

Привет магия!

Пегарог. Книга третья

<https://litres.ru/72289096>

SelfPub; 2025

Аннотация

"Привет, магия!" — захватывающее фэнтези о втором шансе, иллюзиях выбора и цене могущества.

Новая жизнь. Новые правила. Новая магия.

Евгений погиб под колёсами автомобиля — но смерть стала лишь началом. Его душа, пронзив бесконечность, вселилась в тело ещё не рождённого ребёнка в мире, где магия — не сказка, а жестокая реальность.

О чём эта книга?

Перерождение без иллюзий — он взрослый в теле младенца, но даже знания из прошлой жизни не гарантируют выживания.

Магия, которая требует платы — дружба с сильными мира сего оборачивается предательством, а светлые идеалы — кровавыми компромиссами.

Война мировоззрений — битвы не только с монстрами, но и с собой: что, если "добро", которое ты защищаешь, ничем не лучше "зла"?

Тайны мироздания — от законов магии до природы самой души, перенёсшейся между вселенными.

Ключевые вопросы:

Можно ли остаться человеком, обладая силой богов?

Стоит ли спасать мир, который не просил о спасении?

Главный выбор — стать оружием в чужих руках или сжечь всё к хе...

Ирек Гильмутдинов

Привет магия!

Пегарог. Книга третья

Ирек Гильмутдинов

Привет магия! Книга третья.

«Пегарог».

Глава первая.

Знакомство.

Мы поднимались по лестнице, и казалось, что нет конца и края этим ступеням. Я, как По из мультика, уже хотел кричать: «Лестницы, ненавижу лестницы».

Битва со Скверноликим прошла не бесследно. Да, я отказался от дара, но мы все изменились. Как и что именно с нами стало не так, я пока не в курсе, но вот то, что каждый из нас получил какой-то «подарочек», в этом я уверен на все сто.

Надо понять вот что. Это дано на время пребывания в этом обрывке мира, или, когда мы вернёмся в Керон, «это» останется с нами навсегда. Наверняка есть свои плюсы и минусы. Вопрос только в чём больше.

Когда конец лестницы был достигнут, я насчитал двести

восемьдесят шесть ступеней. Вот честно, убил бы того, кто это придумал, и неважно, добрый он или просто выполнял чей-то приказ. Хоть бы поручень сделал, что ли, так нет же. Гад такой. При всём при этом не все ступени были выполнены на одинаковой высоте, что делало это путешествие более изнурительным и мучительным.

Хотя, мне кажется, в этом есть какой-то умысел. Мол, враг, пока поднимется, лишится сил и на выходе окажется менее воинственным. Как по мне, я, если и хотел договориться, то теперь точно не хочу. А вот убить – даже очень.

Обычная на вид дверь, встретившая нас в конце лестницы, оказалась не запертой. Толкнув её, мы очутились в подвале, где повсюду стояли клетки. Освещение тут куда лучше, чем в склепе.

Когда я говорю «повсюду», то имею в виду буквально повсюду. Железные, зачарованные клетки лежали как на полу, так и были подвешены на потолке, плюсом имелись те, что прикреплены к стене. Все были разных размеров.

Как я понял, двигаясь сквозь неровные ряды, это что-то типа каземата, тюрьмы для монстров. Потому как людей или хотя бы гоблинов я здесь не заметил. С другой стороны, может, ещё встречу, размеры подвала впечатляли. Зато всяких червяков, тварей с клыками, крыс невероятных размеров и прочей нечестии тут было полным-полно.

Больше всего меня впечатлило чудовище, что было приковано к дальней стене. Отдалённо оно напоминало мне пче-

лу, только размеры этого создания не умещались в моей голове. Она легко могла поспорить размерами своих крыльев с крыльями легкомоторного самолёта, с которого так любят прыгать парашютисты. У неё, а это точно она, была аж четыре пары крыльев. Восемь пар лап, и каждая прикована кандалами к стене. Окрас брюшка бело-голубой, не жёлто-чёрный, к которому я привык, а именно бело-голубой, отчего она выглядела как-то посимпатичнее, что ли. Её фасетчатые глаза смотрели прямо на меня.

Рядом теснились ещё два десятка клеток, где, судя по всему, томились её детёныши или подданные – я не взялся бы точно определить их статус. Все эти существа казались жалкими в сравнении с ней, их размеры не достигали и трети величественного тела королевы.

Я стоял напротив крылатой твари и любовался. Вроде да, монстр, но зараза красивый монстр. Никакого отвращения я к ней не испытывал.

В этот момент меня дёрнули за рукав.

– Господина Кайлоса, это они, – прошептал Грохотун, да так тихо, будто боялся разбудить кого-то.

– Кто они? – отвлёкся я от созерцания, сосредотачиваясь на гоблине.

– Те, кто горошины счастья на деревьях развешивали, – пояснил он, а до меня сразу дошло.

Вот почему в лесу ничего и никого нет. Кто-то посадил их в клетку. Вопрос: за что можно посадить монстра в клетку?

Тем более оно должно понимать, что сидит в клетке, а не просто её ареал обитания ни с того ни с сего стал меньше. Получается, оно разумно.

– Стойте здесь и не двигайтесь, – попросил я своих спутников, а сам пошёл вперёд.

– Приветствую тебя, королева. Прости, не ведаю, как ваш вид называется и как тебя величать. Меня зовут Кайлос. Маг молнии и тьмы.

Молчание. М-да. И на что я надеялся? Откуда ей знать общий язык Керона?

– «Тораксия, королева Виссариев, но маленькие люди, или как вы их зовёте, гномы, прозвали нас Гулдум», – услышал я жужжащий голос в голове. Боли он не причинял, всего-навсего доставлял немного неприятных ощущений. Словно пальцем проводишь по наждачной бумаге-нулёвке.

Я склонился в уважительном поклоне. Вежливость – наше всё.

– Кто пленил вас и за что? И да, прошу прощения за моё любопытство. Оно выше моих сил.

– «Всё нормально. Вы, люди, по-другому не умеете. Пока всё не узнаете, не можете принять решений, и это, с одной стороны, правильно. А запер меня в клетку хранитель этого обрывка мира, за мой отказ поглощать души смертных».

– Как вы тут оказались? Я имею в виду не тюрьму, а этот мир. Вы ведь не тут родились. Я правильно понимаю?

Тораксия поначалу не хотела даже подавать виду, что зна-

ет его язык. Глубокое, многовековое презрение к человеческому роду пустило в ней корни – слишком уж много страданий принесли эти существа её предкам, ей самой и, без сомнения, принесут её потомкам. Яд ненависти давно прожигал её душу, оставляя лишь холодное равнодушие к их жалкой участи.

Но этот... был иным.

Что-то неуловимое, чуждое привычной человеческой природе, заставляло её внимать его словам. От него не веяло той подлой, трусливой злобой, что исходила от прочих двуногих, встречавшихся на её долгом пути. Да, она ощущала – этот юный убийца уже лишал жизни. И себе подобных, и иных. Но вот парадокс – душа его оставалась чистой, будто незамутнённый родник в глуши векового леса.

Как? Каким образом кровавые отпечатки не осквернили её? Ведь каждое лишённое жизни существо обязано было оставить след. Логика отказывалась понимать, но любопытство – этот древний двигатель всего живого – заставило её откликнуться. И вступить в диалог.

– «Мой мир», – голос её звучал, словно шелест крыльев над пеплом, – «был царством алхимиков. Мой род, Виссарий... Мы – наследие погибшей цивилизации, что стремилась выковать совершенных воинов, сочетающих стремительность насекомых с разумом человека.

Когда империя рухнула, явился Он.

Предложил моей праматери спасение – переход в иной

мир. Обещание оказалось ложью. Осознав это, они ценою собственной гибели прорвали магические оковы, когда те на миг ослабли... Но бежать было некуда.

Долгие годы нас оставляли в покое. Мы поселились в глухом лесном краю, у самой границы обитаемых земель... Поверили, что свободны. Оказалось – Он просто ждал, пока род окрепнет, размножится... Чтобы потом прийти и вырезать почти всех моих детей. Наказание за неблагодарность. Оставил токмо меня да горстку слуг... Чтобы «подумали о своём поведении».

«Кабы знала тогдашняя королева, в какие сети попала... Лучше бы сгинула в пламени родного мира», – подумала королева рода Виссарий, но решила об этом промолчать. Не стоит этому непонятному человеку показывать свою слабость. Он слишком необычный мальчик, и явно интересуется не ради праздного любопытства, уж она это чувствовала, как никто другой.

– Почему отказались?

– «Пожирание душ...» – её голос вдруг стал тише, но в нём зазвучала сталь, – «это не просто убийство. Это... извращение самой природы бытия. Ты перестаёшь быть собой, становясь сосудом для чужих страхов, мыслей, боли... Мой вид... Мы не созданы для такого кощунства».

– Благодарю за столь подробные разъяснения. Вопрос. Что будет, если я освобожу вас?

«Скажу спасибо. И даю обещание, нападать не стану».

– Юмор – это, конечно, здорово. Но, боюсь, вы не в силах со мной справиться. Но не будем об этом. Я хочу сделать вам предложение. Готовы вы выслушать или мне уйти?

– «Дай-ка подумать. Нет, иди по своим делам, мне и тут неплохо».

– Что ж, рад был познакомиться, удачи вам, я тогда пошёл.

– Стой, Кайлос. Конечно, я готова выслушать твоё предложение», – раздался более шипящий звук в моей голове, видимо, это она так злится.

– Повторюсь, юмор – это хорошо. Но не всегда он к месту. Что касается моего предложения. А предлагаю я вам обрести пристанище на моих землях, – голос мой звучал твёрдо, как сталь клинка. – Под моей защитой ни единая тварь не посмеет даже взглянуть в вашу сторону. А если найдётся безумец... Он познает гнев мой, и поверьте – это будет последним, что он познает в этой жизни.

Тораксия смерила меня взглядом, полным скепсиса.

– Пустые обещания, Кайлос. Слова, не подкреплённые ни властью, ни силой.

Я понимал её сомнения. Но в глубине души яростным пламенем горела уверенность – она мне нужна. Не как союзник, не как оружие... а как нечто большее.

Решено.

Медленным движением я сбросил маскирующие чары с глаз, обнажив их истинную природу. Затем распахнул ладони перед собой – и выпустил силу, что дремала в моей крови.

На левой ладони зародился шар абсолютной тьмы, поглощающий сам свет вокруг. На правой закружилась сфера чистой молнии, извергающая ослепительные сполохи. Энергия, заключённая в них, могла обратить в пепел даже верховного архимага. Я чувствовал это. Она – тоже.

– Видишь? Я ещё зелёный юнец, едва ступивший на этот путь. Но представь... чего я достигну через десятилетие? А через столетия?

И тогда случилось неожиданное.

Тораксия склонила голову набок – так по-человечески, так неуместно трогательно, что я растерялся. Концентрация рухнула. Магия рассыпалась в воздухе искрящимся фейерверком.

Зрелище, надо признать, получилось до смешного нелепым. Но полагаю, она прониклась продемонстрированной силой.

– «Живой двухстихийник собственной персоной...» – её голос прозвучал с оттенком древней мудрости, – «в памяти моих предков хранятся знания о таких, как ты. Если не сгнешь в пламени собственной дерзости, тебе уготовано править мирами. Но беда вашего рода в том, что вы, словно магниты, притягиваете к себе беды, одним своим существованием лишая покоя власть имущих».

– Мне чужды амбиции владыки, – усмехнулся я, – да и мои желания не столь велики. Всего-навсего желаю стать самым богатым человеком в мире, из которого пришёл сюда, и

только. Остальные пусть живут как хотят. А тем, кто не поймёт с первого раза... разьясню более убедительно.

– «Допустим, я согласна», – произнесла она, пошевелив усиками, – «но есть два вопроса. Во-первых: как ты справишься с Хранителем? Это маг невероятной силы. Во-вторых: что потребуешь взамен?»

– Первое – моя забота. Если одолею – ты узнаешь. Если паду – для тебя ничего не изменится. Что касается второго... семьдесят процентов производимых тобой магических горошин будут моими.

– «Это грабёж!» – взмолилась она. – «Моему народу нечем будет питаться!»

– Успокойся, – уверенно произнёс я, – я обеспечу тебя такими редкими сортами цветов, что голод вам не грозит. Ты ещё не раз спасибо скажешь.

В действительности же я вынашивал куда более хитроумный план – желая приобрести у Торгуса зловещий «Чёрный бор». Я уже представлял, что смогу предложить ему взамен – нечто, от чего старый упрямец физически не сможет отказаться. Однако, если бы он проявил благоразумие и согласился на простое золото, возможно, для всех было бы лучше. Ну хорошо, лучше для меня.

Но в этом и заключалась моя азартная игра, в которой я намеревался обязательно выиграть.

Укрепив его владения, я не просто получал благодарного союзника – я обретал могущественного соседа, который не

только является моим учителем, он волей-неволей будет вынужден поддерживать меня. Лучше, конечно, по доброй воле. Но для этого я знал, какую черту мне нельзя преступать.

Я понимал, сила рождает обязательства, а близость границ – общие интересы. А то, что они у нас будут, я в этом не сомневаюсь. Да и куда он денется от моих эклеров, когда попробует. Хе-хе.

К тому же Торгус не раз сетовал, что его родовые земли слишком обширны для одного правителя, а большинство Ворхельмов и вовсе не интересуются этими глухими местами. Если бы не древняя башня предков, дающая столь явные преимущества в магии, они, пожалуй, никогда бы и не вспомнили об этом крае.

И в этом заключалась моя возможность обрести так необходимые мне земли. Вот только что делать с королём гномов? Он мне точно не простит уничтожение обелиска. А то, что это произойдёт, я нисколько не сомневаюсь.

После недолгого молчания она кивнула:

– «Если всё будет так, как ты говоришь... я согласна».

– Только тебе предстоит дать магическую клятву.

– «Не сомневалась», – язвительно ответила она. – «Вы, люди, так любите обманывать, что даже не допускаете мысли о честности других рас».

– Что поделать, мы несовершенные, – пожал я плечами. – Значит, договорились?

– «Да», – прошелестело в голове.

– Тогда ещё один вопрос... – я сделал паузу, изображая наивное любопытство, – у тебя тут случайно не завалялось парочки этих легендарных горошин? Столько слышал – а живую так и не видел.

– «Хранитель забрал всё. Они на верхнем этаже».

– А что там ещё есть? – мои глаза загорелись хищным блеском, а на лице расцвела ухмылка грабителя, уже мысленно прикидывающего добычу.

Тораксия тяжело вздохнула, будто предвидя грядущие неприятности. Будь у неё глаза, она бы непременно закатила их.

– «Иди и сам посмотри. Мне это неинтересно».

– И на том спасибо. Ладно, ваше королевское высочество, ещё увидимся.

Махнув рукой на прощание, я позвал своих, так и стоявших в молчании, а после двинулся к двери, ведущей... Куда-то ведущий. Одно могу точно сказать, ведёт она к неприятностям.

Проходя мимо очередной клетки, меня кто-то резко ухватил за штанину. Это оказался гном. Старый, древний и очень больной. Выглядел он так, считай, при смерти. Да вот его хватка говорила об обратном.

– Постой, человек. Ты же человек? Прости, если оскорбил, моё зрение меня подводит в последние годы.

– Да, я человек, а вы, собственно, кто? И будьте так любезны, отпустите штанину.

Штанину он отпустил, а после представился:

– Ториндус Старквилл, архимаг земли, король гномьего народа, что живёт под Железными горами.

– КАК?! – воскликнул наш Горец. – Вы же умерли две тысячи лет назад, – подбежал к нам Бренор и первым делом протянул исцеляющее зелье гному, но я не дал это-то сделать, отобрав зелье.

– Друг, не сейчас. Тот, кто его запер, может следить за состоянием пленных. Если он узнает, что мы... В общем, не сейчас. Потерпи.

– Спасибо, юный...

– Бренор, сын Рунара.

– Благодарю за заботу, сын Рунара, но твой друг прав, – пришёл на помощь мне гном. Потому как сам Бренор был явно зол на меня.

Затем его подслеповатые глаза повернулись ко мне.

– Если ты и вправду тот, кем себя объявил. Моих сил хватит дожидаться вас.

Горец приложил кулак к груди и почтенно склонился.

– Ваша воля для меня закон, – сказал он, и в его взгляде я видел глубокое уважение к этому гному.

– А ты, Кай, прости за глупую злость, – склонил голову, но не так низко, как перед этим гномом. И это понятно.

– Всё в порядке, друг мой. Я бы на твоём месте поступил бы также.

К слову. По этой же причине я и не освободил Тораксию

сразу. Тут всё просто – сдерживающие её оковы были защищены заклятием. Малейшее прикосновение – и хозяин узнает о нашем присутствии. А нам-то как раз нужен эффект неожиданности... Кем бы этот Хранитель ни был. Лучше будет, если он как можно дольше не будет знать о нашем присутствии. Да, он, скорее всего, ведает, что мы уничтожили Скверноликого. А может, нет. Тут пятьдесят на пятьдесят. Правда, в таких случаях всегда лучше готовиться к худшему варианту, а коли будет лучше, то мы обижаться или спорить точно не станем.

Когда мы вышли, то оказались в обычном коридоре. Вдоль стен стояли лавки, висели картины, ничем не примечательные. Обычный замок.

Гном, как мы вышли, всё время сопел, явно хотел броситься на выручку к своему королю.

Хотя я считал, что Торвальд Каменное Сердце их законный король. Ой, фиг с ними, меня это не касается. А вот состояние гнома ещё как.

Я приблизился и положил руку на его плечо, ощущая под пальцами дрожь сдерживаемой ярости.

– Друг, клянусь – освободим, исцелим, накормим досыта. Веришь мне?

Он поднял на меня взгляд, в котором бушевала целая буря – гнев, отчаяние, надежда... И после мгновения молчания – резко кивнул. Я видел, как напряжение медленно отпускает его, как расслабляются сведённые судорогой мыш-

цы. Но знал и другое – каково ему сейчас, какое нечеловеческое усилие требуется, чтобы не сорваться вперёд, не ринуться спасать монарха сломя голову.

– Вот и хорошо. А теперь возьми себя в руки. Впереди – решающая схватка.

Мы двинулись дальше – коридор за коридором, поворот за поворотом – пока не остановились у величественных дверей. Высоких, искусно украшенных, отливающих золотом и тёплым деревом. Здесь не было и намёка на подземный мрак – мягкий свет заполнял пространство, позволяя в полной мере оценить это произведение искусства.

Рун на дверях не было, защитной магии тоже. Зато были... картины. Или скорее летопись – детальная, живая, рассказывающая о битвах давно минувших дней. Каждый штрих, каждый образ кричал о подвигах и славе... и рождал в голове новые вопросы. Вопросы, на которые вряд ли кто-то даст нам ответ. Ведь мы здесь – непрошенные гости, чужаки, вторгшиеся без приглашения в священные залы.

Толкнув двери и войдя внутрь, мы оказались в зале для приёма гостей. Подобный был в замке Торгуса Ворхельма, не такой величественный, но понять, для чего он предназначен, можно. Между прочим, он, как и коридор, был хорошо освещён. Причём здесь повсюду не было факелов, их заменяли магические светильники. Богатый хозяин, ничего не скажешь. Или могущественный. Лучше, конечно, первое.

И тут началось. Когда мы прошли в самый центр зала, све-

тильники стали гаснуть, тени сгущались, и откуда-то подул слабый зловещий ветерок. Кто решил нагнать на нас жути. И скажу я вам, это у него неплохо получается.

Взяв себя в руки, я огляделся магическим зрением. Стены, в отличие от двери, испещрены древними рунами по самое не могу, все они сейчас мерцали тусклым синим светом, будто предупреждая хозяина о вторжении чужаков. Да, скорее так и есть. Вот же...

Прошло минут пять, но ничего не происходило. Тогда Бренор подошёл к правой от двери, что мы вошли, стене и позвал меня.

– Кай, тут надписи на древнем языке.

– Сможешь прочесть? – подошёл и стал вглядываться в строки, но язык мне был не знаком.

– Извини, нет, он мне не известен. Но он точно не гномий.

– Я могу, – ошарашил всех нас Грохотун, подходя к нам.

– Врёшь, – произнёс наш бессмертный от удивления.

– Сам дурак. Говорю, могу, значит, могу. Мы, гоблины, не обманываем друг друга.

– Так мы и не гоблины.

– Логично, – цокнул языком гоблин. – Так вам надо перевести или нет? – Большой Пуф подбоченился и уставился на нас с вызовом.

– Прости за недоверие, мой зеленокожий друг. Будь так любезен, переведи.

Грохотун победно глянул на гнома, подошёл к стене и,

морща лоб, начал декламировать.

– «Где ручей исчезает в утробе камня...» – пробормотал гоблин, проводя ладонью по мокрой стене.

Как только он заговорил, под нашими ногами появилась вода, просачиваясь прямо через каменный пол. После она разрослась и зажурчала узким потоком воды, уходя в каменную стену и бесследно пропадая в её основании. Будто сама стена пила воду.

– «А молот эхо будит во тьме», – прошептал он, а его жёлтые глаза сверкали в полумраке. – Здесь должно быть... Он не успел закончить.

УДАР!

Гномий кулак в железной перчатке обрушился на стену точно в строки, точно туда, куда уходила вода. Глухой стон прошёл по залу, и эхо покатилося в темноту, будто разбуженный великан.

– Трижды, – напомнил ему я, наполняясь азартом.

Зачем мы всё это начали делать? Да потому что знали, что это такое. Знали, что надо делать дальше. Об этом упоминалось в сказках, и, похоже, гном их читал так же, как и я.

Второй удар.

Камень задрожал. Откуда-то сверху посыпалась пыль. Магические светильники начали пульсировать.

– И последний... – прошептал Горец, занося руку.

Третий удар.

Тишина.

И тогда стена вздохнула.

С треском, похожим на ломающиеся кости, её часть отошла, открывая узкий проход. Оттуда хлынул оранжевый свет – густой, как расплавленное золото, но холодный.

– «Пламя, что светит в подземной тюрьме...» – пробубнил Большой Пуф и сделал шаг вперёд.

Следом вошли мы.

Это не было подземной тюрьмой в прямом понимании, хотя откуда мне знать, какие бывают тюрьмы. Я их вообще только в кино видел и сегодня впервые тут, в подвале.

Почему я заговорил про тюрьму? Потому что надпись звучит полностью так:

"Где ручей исчезает в утробе камня,

А молот эхо будит во тьме —

Трижды стукни, и откроется пламя,

Что светит в подземной тюрьме."

Это было почти во всех сказках. Да, иногда текст менялся, но суть оставалась всегда одной и той же.

Стена расширялась, и теперь мы все смогли войти внутрь. Гоблин стоял, разинув рот. Мы, увидев место, куда попали, последовали его примеру. Вот так и стояли, открыв рот, оглядывая помещение или пещеру. Даже не могу найти слов, как описать это место.

– Очуметь, – произнёс я, вертя головой.

Мы стояли в... пещере, да, пусть будет пещера. С высоким потолком, покрытым сталактитами, словно клыками ка-

кого-то исполинского зверя. Причём, похоже, все они из чистого золота. Сколько здесь тонн драгоценного металла, я вряд ли скажу, я таких цифр не знаю. Налюбовавшись, мой взор привлёк предмет, стоявший в двадцати шагах от нас, прямо в центре круглой площадки.

Там обнаружился каменный пьедестал, высотой примерно мне по пояс, на котором сейчас горел огонь – но не обычный, а очень даже странный, завораживающий, пугающий.

Тут всё было точно, как в сказках. Будто человек, писавший сие произведения, побывал здесь лично. А может, так оно и было.

Что касается огня, он был застывшим. Словно некто поставил его на паузу.

Пламя, точно высеченное из янтаря, не шевелилось, не потрескивало. Оно просто было – вечное, запечатое в моменте между вспышкой и угасанием. Невероятное зрелище.

«Это... не просто свет», – сказал Бренор, а его голос дрожал от возбуждения. «Это та самая печать. Которую искал главный герой».

– Это за ней ты пришёл сюда?

– Видимо, да. Вообще-то я пришёл за зерном и попутно хотел рассказать тайну обелиска. Вот только никак не думал, что сказки – это чуть ли не путеводитель по данному месту. Надо было лучше и внимательнее их читать.

Обойдя пламя по кругу несколько раз и налюбовавшись, я стал искать кое-что другое. То, откуда должен явиться фи-

нальный босс.

Вон там, – указала Вейла.

За пьедесталом в сорока метрах в гладкой стене зияли слабые очертания двери – чёрной, без ручки, без замочной скважины. На её поверхности были выгравированы десять символов, и как только мы все всмотрелись в неё, один из них засветился.

Похоже, попав сюда, мы активировали Обелиск под Железными горами. Эта мысль пришла нам одновременно.

– Значит... остальные девять... – начала было Вейла, но я перебил её.

– Это только начало. Мне предстоит отыскать ещё девять обелисков. Зачем – не важно. Вам же не стоит никому и никогда рассказывать об увиденном. И уж тем более говорить об этом месте. Всем ясно? – все трое быстро кивнули. Судя по ним, то, что они увидели на моём лице... Ладно, не будем об этом.

Я вернулся в центр и протянул руку к застывшему пламени. Оно дрогнуло. И в тот момент дверь за моей спиной обрела более чёткие очертания, затем стала материализовываться и в конце концов закрипела.

Когда то, что скрывалось за ней, вышло, я осознал. «Вот он, последний босс. Какими свойствами он обладает, какими силами? В общем, Женя, тебе должно быть плевать. Твоя задача – одолеть его и забрать печать, а после бегом в сокровищницу» – весело кивнув своим мыслям, я бросился в бой.

По-другому нам не победить.

Глава вторая.

Древний Страж и Печать Теней.

– Кай, нет... – прокричал горец, сжимая артефактный меч и поправляя шлем. Он бежал ко мне, но не успел. Моё прикосновение к огню стало его пробуждением. Дверь скрипела, будто её не открывали тысячелетия. Чёрный камень, пронизанный серебряными прожилками, медленно отходил в сторону, открывая провал в темноту.

Но было уже поздно. Из глубины раздался вздох. Не ветра. Не камня. Чего-то живого и не живого. И тогда появился он...

Я-то думал, что наш враг выйдет из-за двери, а не нет. Огонь, зашевелившись от моего прикосновения, создал множество теней, заигравших на стенах вокруг нас. И вот тогда-то...

Тень отделилась от стен и встала во весь рост, начав метаморфозу – три метра костяного панциря, сросшегося с каменной бронёй. Его лицо было пустым – лишь две впадины, где когда-то горели глаза. Но теперь там мерцали две синие точки, как звёзды в бездне. В левой руке круглый щит из чёрного металла, казалось, он поглощает свет от огня. В правой меч с длинным и узким клинком, который он держал ровно перед собой.

Типичный рыцарь смерти. Ему бы ещё коня, но это уже для нас был перебор. Ничего, чем больше шкаф, тем громче падает.

Мои все отошли ко мне. Гном занял позицию впереди, Вейла обернулась, встав справа от меня и скаля зубы, её загрохот стоял дыбом. Гоблин затихарился с мечом.

– Кто разбудил меня? – его голос был скрипом древних механизмов, шёпотом мёртвых языков. К счастью, мы всего его понимали.

А то, представляете, он что-то говорит важное, например: «Хочешь пройти, просто скажи, пожалуйста», а мы лыка не вяжем и как возьмём его лупить. Так что нам повезло. Наверное.

– Мы ищем некий артефакт, связанный с обелиском, – ответил я, но тут же активировал на руке заклинание, когда страж шагнул вперёд.

– Артефакт? – он склонил голову, будто прислушиваясь. – Нет. Вы ищите «свою смерть», и вы её только что нашли в моём лице.

Страж не стал атаковать мечом. Он поднял оружие – и пещера тотчас ожила.

Пол разошёлся под ногами Бренора, но гном прыгнул в сторону, едва ухватившись одной рукой за выступ. Меч выпускать он не захотел.

Вейла рванула к гному, помогая тому выбраться, так как стены резко сжались, выстреливая шипами. Ещё б секунда –

и писец горцу.

Следом своды пещеры закапали – но не живительной влагой, а едкой, разъедающей плоть кислотой. Мы осознали это одновременно с душераздирающим воплем гоблина – несчастный получил первую порцию яда прямым на недавнюю рану уха. Жгучие капли сочились с острых сталактитов, будто слёзы каменных чудовищ.

Я рванул вперёд, одной рукой хватая Грохотуна за шкуру, другой – прижал поближе волчицу, после приблизился к гному как можно ближе. Магический барьер вспыхнул вокруг нас мерцающим куполом, и я внутренне сжался в ожидании...

– Фух... Держится, – вырвалось у меня облегчённое восклицание. – Боялся, защита не выстоит перед этой мерзкой субстанцией.

Фортуна нам улыбалась – едкий поток стекал по сфере, не причиняя вреда. Но ситуация оставалась критической: вечно так простоять мы не могли. Нужно было решать вопрос с Рыцарем Смерти до появления Хранителя. Где задержался этот хозяин замка – бог весть: то ли в магической лавке засиделся с корешами, то ли у алхимической колонки по заправке мана-кристаллов очередь. Не суть. Момент был идеальным для атаки – упустим его, и второго шанса может не представиться.

Мрачный витязь стоял недвижимо, наблюдая за нами сквозь щели шлема. Кислотный дождь не прекращался ни на

мгновение. Пару раз земля под нами распадалась в бездну, но сферическая форма барьера позволяла удерживать нас в воздухе. После нескольких неудачных попыток противник, кажется, осознал тщетность этих манёвров.

Только спустя пять долгих минут меня осенило: он всего лишь страж портала или что там скрывается за дверью. Уничтожить нас – в его власти, но главная задача – не пропустить дальше. Если хоть один из нас прорвётся – его миссия провалена. По крайней мере, я на это надеюсь... Ибо цена ошибки в этих каменных глубинах – смерть.

– Стойте тут, за пределы барьера ни шагу.

Я, выставив над головой защитную стену на манер зонтика, рванул вперёд, к двери, но страж пересёк мне путь одним шагом.

– Ты не пройдёшь, – проскрежетал он.

– Это мы ещё посмотрим, кто и куда не пройдёт, – бросил я сквозь стиснутые зубы и шагнул в объятия тьмы.

Тут же раздался оглушительный "БА-АХ!", и моё тело, встретив невидимую преграду, отлетело к противоположной стене, будто кукла, брошенная разгневанным ребёнком. Спиной я врезался в каменную кладку со всей дури, так что звёзды заплесали перед глазами. Только чудом успел окутать себя перед соприкосновением со стеной магическими доспехами и возвести защитный барьер – кислотный дождь ведь не прекращался ни на мгновение.

Одно утешало: капли падали теперь реже. При должной

сноровке можно было бы и увернуться, но испытывать судьбу мне не хотелось. Уж больно сильно гоблин кричал.

От мощного удара заклинательная броня рассыпалась, словно стеклянная. Да и чёрт с ней! Главное – кости целы, а это уже победа. Хотя... стоило бы, конечно, изучить защитные чары получше – у них ведь столько разновидностей! Но нет, мне, выскочке, только бы боевые заклинания швырять. Фулгурис был прав: я и вправду зелёный юнец, ничего не смыслящий в настоящих сражениях.

На деле он сказал совсем по-другому.

– Остановись и прими свою участь, маг, – с мерной поступью двинулся ко мне рыцарь. Ему-то хорошо – едкие капли, похоже, не причиняли ему ни малейшего вреда.

– Ага, бегу-бегу, спотыкаюсь и падаю! – язвительно бросил я, потирая ушибленную спину. – погоди, только мыло достану, шею намылю – и сразу к тебе под меч лягу!

Вскочив на ноги в облаке пыли, я выставил вперёд дрожащую руку с кольцом и выкрикнул сквозь стиснутые зубы:

– «Caelum Obscurum!»

Вложил в заклятье столько энергии, что хватило бы на два полноценных заклинания уровня магистра. Горькая ирония – изучил я это заклинание исключительно поверхностно, отсюда и чудовищный перерасход сил. Вечно куда-то спешу, вечно недоучиваю. Клянусь, если выживу – к следующему обелиску подготавлиюсь как следует. Не просто запасусь провиантом, а вгрызусь в древние фолианты зубами и когтями.

Пока всё наизусть не выучу, хрен куда пойду.

Над стражем зародилось крошечное пятно тьмы – и за мгновения раздулось в грозового левиафана, чернее бездн между мирами. И тогда в него вонзились молнии, оплетённые живой тьмой, словно бичи разгневанного божества.

Рыцарь яростно прикрывался щитом. Бешеная скорость его движений повергла бы в трепет любого мастера фехтования. Вообразите – парировать молнии! Пусть и не столь стремительные, как природные, но всё же...

Кислотный ливень стих – видимо, страж исчерпывал силы на защиту. Но я не ослаблял хватку: сжимая в мокрой от пота ладони мана-кристалл, продолжал вкачивать в заклятье последние капли энергии. Заклинание жрало энергию как не в себя. Горело всё – вены, сознание, сама душа. Зато пока адовая туча висела над ним, Рыцарь Смерти лишь хрипел в бессильной ярости, отбиваясь, как загнанный зверь. Каждый удар молнии, пронзающий его доспехи, вытягивал из него жизненные силы. Видимо, тьма ему противоречила на глубинном уровне.

Сын Рунара не остался в стороне – выскочив из-за барьера с рыком, он воткнул меч прямо в коленный сустав противника. Клинок звякнул, но выстоял. Подвиг, достойный эпической саги! Увы, мог бы быть.

Видели, как летают гномы? Нет? А я видел.

Последовал могучий пинок, отшвырнувший храбреца, словно детский мячик. Кстати, меч гном не выпустил из рук,

даже когда помер.

– Бородатый приказал долго жить, – констатировал гoblin, озвучив и без того очевидный для всех печальный факт, продолжая потирать ухо.

Вейла, словно разъярённая волчица, хотя она и есть волчица, с разбегу прыгнула и впиалась в наруч доспешной руки, сжимавшей меч. Её клыки и когти сцепились в мёртвой хватке, не оставляя ни малейшего шанса на освобождение.

Грохотун же, проявив неожиданную для своего телосложения ловкость, взобрался по стальной кольчуге и изо всех сил пытался удерживать руку со щитом, не позволяя стражу закрываться. Они болтались на могучем противнике, как осенние листья на порывистом ветру, но своего добились. Честно не ожидал.

Этого мгновения хватило. Пять молний, сотканных из тьмы, вырвавшихся из гибельной тучи, пронзили стража – две в грудь, одна в голову, ещё одна... кхм... в место, о котором в приличном обществе не упоминают. Пятая же, по воле случая, угодила прямо в пятую точку. Клянусь, я не направлял их специально – чистейшая случайность. Честное магическое.

В ярости страж взмахнул щитом – и гoblin, словно кусок налипшей грязи на ботинок в осенний день, отлетел к каменной стене, оставив на ней трещину в форме своего силуэта.

Надеюсь, он жив.

– Вейла, отпусти его, он неуязвим для физических атак!

– крикнул я.

Она спрыгнула и в последний момент увернулась от удара меча.

Я даже закрыл глаза, боясь увидеть, как он её разрубит напополам.

– Фух, – какой уже раз выдохнул я за сегодня, оглядывая поле боя одним глазком.

Вейла стояла недалеко от меня, вернув себе облик человека, и тяжело дышала. На её боку имелась небольшая рана, но не значительная, притом быстро зарастающая.

– Кайлос! Взгляни! – воскликнула она, указывая на грудь стража.

На доспехах рыцаря вставшая рядом с огнём замерцал загадочный символ – точная копия того, что украшал дверь. Первый обелиск.

Меня осенило: значит, он часть печати? Как в той древней легенде...

Я рванулся вперёд, но не к стражу – к замершему пламени в центре зала на пьедестале. Это и есть ключ. Как же я раньше не догадался.

Последние две строчки стиха.

«Трижды стукни, и откроется пламя,

Что светит в подземной тюрьме».

«Ну и идиот ты, Женья».

– Трижды ударь! – прогремел Бренор, перехватывая смертоносный удар меча стража своим клинком. Сталь скреже-

тала, искры сыпались в темноту. Вон даже коротышка и-то быстрее догадался.

Сжав кулак, окутанный живой тьмой, я обрушил удар на пьедестал.

Раз.

Страж замер, как статуя. Острие его меча застыло в миллиметрах от шеи Бренора.

Чёрт побери. Неужели я ненароком накликал беду, назвав его Горцем? Вдруг невольно определил его судьбу?

Два.

На этот раз удар кулаком, объатым молниями.

Синие огоньки под шлемом стража померкли.

Три.

Вместо удара я хлопнул в ладоши, выпустив сгустки тьмы и молнии прямо в ожившее пламя. И... ничего. Какого... Почему не работает? Что не так-то?

– Бренор, иди сюда! Быстрее! – Он встал с другой стороны пьедестала. – Попробуй ты. Может, сработает.

Он стукнул, но тоже тишина. Тогда я увидел озарение на его лице.

Сняв железную перчатку, он бесстрашно сунул ладонь в пламя... и тотчас рухнул замертво.

Вот оно что. Теперь понятно, зачем здесь нужен был бессмертный. Похоже, нужно было кому лишить себя жизни. Бессмертному сделать это куда легче. Вот я бы фиг согласился. Мне эта печать даром не сдалась. Я даже без понятия,

зачем она вообще нужна. Так на кой помирят ради того, чего не знаешь?

Пламя пробудилось.

Но не просто вспыхнуло – оно взметнулось ввысь ослепительным столбом, разорвав саму ткань реальности. В тот же миг страж раскололся, словно древняя статуя, и рассыпался в пыль. Пространство пещеры взорвалось мириадами искр, и вдруг мы оказались в сердце космоса – звёзды плыли вокруг нас медленной спиралью, целая вселенная, рождённая в одно мгновение.

А в центре – пульсирующая точка, словно живое сердце мироздания.

– Это не артефакт... – тихо прошептал я, задрав голову. Гоблин, прихрамывая и потирая ушибленный бок, подошёл и застыл в немом изумлении.

– А что это тогда? – спросил Грохотун.

– Это карта вселенной, – объяснил я, голос звучал приглушённо, будто сам воздух сопротивлялся словам.

– И что теперь? – спросил Бренор, уже пришедший в себя, но всё ещё сжимающий меч, будто ожидая новой угрозы.

Мы стояли, вглядываясь в мерцающие созвездия, не зная, что делать дальше.

Я стоял и вспоминал всё, что читал в книжках, дневнике Бильбо. Итог получался такой.

Десять обелисков. Десять ключей. Где-то там – одна дверь. И за ней... что? Спасение? Гибель? Или нечто, что

перевернёт само понимание мира? И дверь ли это? Может, я выпущу зверя, что сожрёт вселенную.

Я достал из походной сумки карту и активировал её магией.

Голографическая проекция в пещере погасла, но моя карта вдруг ожила – она развернулась, наполнилась деталями, ранее несуществующими деталями. Раньше она была блёклой, почти монохромной, но теперь Железные горы заиграли цветом, проступили контуры, которых раньше не было.

Ага... Значит, уничтожив обелиск и заполучив печать, я «разблокировал» часть карты. Так, стоп, а где печать-то? Подошёл и пошурудил ногой среди пыли, что осталась после стража. Там обнаружился кругляш размерами с монету. Был он не из золота или чего-то другого, никаких надписей, рун, вообще ничего. Просто железный кругляш. Будто крышку из-под лимонада «Чебурашка» положили на трамвайные пути, и когда он проехал, то расплющил её.

Хмыкнув, убрал в сумку. После с ним разберусь. А так, конечно, не впечатляет. Ни тебе могущественный артефакт, ни камней драгоценных. Будто все деньги ушли на декорации. Те же сталактиты, казавшиеся мне сотворёнными из золота, сейчас выглядели как обычные в любой пещере. М-да уж. Что такое не везёт и как с этим бороться.

– Что ж, друзья мои. Когда остальные девять обелисков будут закрыты... нам укажут путь. Ключ. Дверь. В общем, там узнаем, что к чему. Правда, их ещё найти нужно. Да и

вообще это – планы на будущее. А теперь, мой бородатый друг... пора узнать, что за той дверью.

– Эм-м, не понял, – оглянулся я, видя, как мои спутники стоят снаружи. – Вы чего встали?

– Да нам и тут неплохо, – ответил Горец с ироничной улыбкой.

– Давай не паясничай, а нормально скажи.

– Да чего говорить-то, мы не можем войти, – в доказательство гоблин сделал шаг и упёрся в невидимую стену.

– Ясненько. Похоже, этот бой предназначен мне одному.

И я только бы открыл рот, но Бренор меня опередил:

– Да-да, мы стоим тут, никуда не лезем, ничего не нажимаем, ждём тебя.

– Вы мои умнички, – подмигнул им и зашагал по лестнице вверх.

К счастью, ступней было немного. И привели они меня... Нет, не к очередному залу или тоннелю, а к обычной на вид двери, за которой, когда я её открыл, обнаружилась небольшая жилая комната с прилегающей к ней слева кухней, из окна которой виднелся Рыбный лес. Справа комната, похоже, спальня. Прямо по коридору ещё две двери. Типичный дом хоббита. Уютненько. Всё чистенько. Хм-м, а это странно. Рыбный лес очень далеко отсюда... Стоп, соберись, Женья, не на том фокусируешься.

Только я хотел спросить, есть кто дома, как послышался характерный звук смываемой воды.

Серьёзно? Унитаз?

С противоположной стороны кухни открылась дверь, из которой вышел Эльрикас Серебряный Лист.

Сказать, что я охренел, это ничего не сказать. Откуда он здесь? Это он хранитель? С ним я точно не совладаю. Мой источник почти пуст, а мана-кристалл сдох ещё на страже.

– Привет, Кай, заходи, я только переоденусь и выйду к тебе, ты пока приготовь что-нибудь на кухне вкусненькое. Голодный как волк.

– Огнебровый, между прочим, расписывал твои кулинарные подвиги. Так что не разочаровывай. А то, – его смех прокатился, словно грохот камнепада, – уж больно аппетит разыгрался, пока наблюдал, как ты моих стражей... ммм... убедительно переубеждал.

Я, ни слова не говоря, как загипнотизированный, прошёл на кухню и принялся готовить. Старик показался минут через двадцать, одетый в обычный, мать его, домашний халат с пони. Которые играли с облачками, кидали мячики, пускали радуги из-под... и прочее. Как мне теперь это развидеть.

Он сел за стол и стал ждать, а я пока готовил беляши.

Замесив тесто, я принялся за приготовление фарша. Сделать его с помощью бытовых заклинаний – раз плюнуть. В это время масло на сковороде дошло до нужной температуры. Когда первая партия была готова, он принялся есть и запивать их отваром.

Приготовив пять порций сверху, я сел напротив. Мне еда

в горло не лезла. Я смотрел на него в ожидании, когда же он заговорит, и вот этот момент настал.

– Спрашивай, вижу, что неймётся, – вытерев руки об халат, он скрестил ногу на ногу.

– Кто вы?

– Ты же уже догадался, так чего спрашиваешь? Хорошо, повторяю. На сегодняшний день в мире Керон известен как Эльрикас Серебряный Лист, архимагистр Алхимик.

– Вы хранитель этого мира?

– И да, и нет. Тут всё сложно, давай пока не будем затрагивать эту тему.

– Что это за мир?

– Обрывок мира, где я когда-то жил. Он мне очень нравился, вот я и собрал его осколки как мозаику и создал то, что ты видел.

– Для чего нужны обелиски?

– Разве тебе не интересно самому докопаться до истины? – откусил он половину беляша и запил отваром. Да с таким аппетитом, будто не ел лет пять. А те три порции, что совсем недавно исчезли в его отрубе, не-е-ет, не было такого.

– Допустим. Что с Крианой? Она жива?

– И да, и нет. Но всё, что с ней произошло, – это только её выбор. И нет, спасти её не выйдет, по крайней мере сегодня. Не заморачивайся на ней, у тебя и без того проблем выше крыши.

– Мне надо ещё с кем-то сражаться?

– Нет, ты победил всех стражей печати. Теперь она твоя.

– Где остальные, вы мне, конечно, не скажете?

– Не-а.

– А если пирожков приготовлю? С вишнёвым вареньем?

– А давай. Если понравятся, то дам подсказку, где найти следующий. Но смотри, никакого лунного шёпота, – погрозил он мне пальцем.

Пока я занимался тестом, в голове, словно пчёлы, роились миллионы вопросов. Что спросить? Что узнать? Какой задать первым, какой вторым?

Я вновь замесил тесто – на этот раз для пирожков. По правде говоря, рецепт мало чем отличался от теста для беляшей – та же воздушная текстура, тот же золотистый оттенок после обжарки. Ловкими движениями я наполнил каждый кружок теста ароматным вареньем, аккуратно защипнул края и один за другим опустил их в кипящее масло.

Масло зашипело, будто недовольное таким вторжением, но вскоре смирилось, обволакивая каждый пирожок аппетитной румяной корочкой.

– Скажите, а другие обелиски вы охраняете?

– Нет. Мой только этот. Кто правит в других, я не в курсе. Мы, так сказать, каждый сам по себе. За всю свою жизнь я узнал место нахождения только одного обелиска. Мог бы и больше, но мне лень этим заниматься.

Подав пирожки на стол, я принялся ждать.

– Чтоб меня демоны в гости не звали, как же это вкусно.

Ягоды из Чёрного бора? – Я кивнул.

– Ай, вкуснятина какая. Так и быть, дам подсказку. Готов запоминать?

– Да.

– Так внимай же, отрок.

– Я не вода...

– Погодите, уважаемый Эльрикас, может, сначала дождётесь, а то нечленораздельно как-то. Вдруг ещё подавитесь.

– Оф, ну не инфересфо с тофой.

Прожевав и осушив кружку с отваром, он выпрямил спину, прочистил горло и с интонацией произнёс, а я запоминал:

«Я не вода, но в воде живу,

Не свет, но свет во мне тонет.

Я тихий страж забытых лет,

Где каждый сам себе закон».

– Запомнил, молодец. Чего застыл как истукан и зенками так хлопаешь, готовь ещё партию. А по поводу загадки... Ничего, ты парень умный, разберёшься и ответ найдёшь. И это смотри у меня, старайся, вкусно готовь, а то сокровищницу не отопру. Ты ж наверняка туда за наградой собрался.

Деваться было некуда, пришлось готовить. Да даже если бы не было сокровищницы, попробую такому откажи. Я себе враг что ли?

– А можно я, пожалуйста, Тораксию заберу?

Я прекрасно понимал, если он захочет, я отсюда не выйду. От него такой силой веяло, что мой источник трясся, как

кролик при виде волка. А потому лучше спросить, попросить, всё вежливо и с почтением.

– Забирай, – махнул он откусанным на половину пирожком, отчего капля варенья упала ему на халат, но не долетела, вернувшись обратно на пирожок. – Она всё равно непослушная. Не вышел из неё страж, – вместе с тем кинул мне кольцо. Когда выйдешь отсюда, поместишь в него. Это пространственный артефакт из того мира, откуда её род. Так сможешь перенести её с выводком в Керон.

– Благодарю.

– Ну всё, Кай, мне пора. Дела ждут, а время, как водится, не ждёт. – Старик поднялся, ловким движением сгрёб приготовленные мною пирожки в свою потёртую дорожную сумку и направился к выходу, его плащ колыхнулся, словно крыло ночной птицы. Миг назад он был одет в домашний халат. Хотя чему я удивляюсь?

– Вот ещё что. Там всё это время за тобой отряд гномов бегал, я как мог их водил за нос, чтобы они вам не мешали веселиться. Так что, как выйдешь, будь готов к встрече. Они очень на тебя злые. А что касается Сокровищницы – она за той комнатой, – кивнул он в сторону помещения, где недавно переоблачался. – У тебя час. Не больше. После – и этот мир канет в небытие. Бери что душе угодно, но помни: далеко не всё блестит золотом. Истинная ценность часто скрыта под личиной обыденности. Понимаю, ты кипишь вопросами, но расспросишь в следующий раз. Честно – меня уже ждут.

И да... Когда в следующий раз будешь в Чёрном бору – пирогов пеки побольше. А то этот скряга-старик ни крошкой не делится.

– Обязательно, – только и успел выдохнуть я, как его фигура растаяла в воздухе, словно утренний туман.

Может, ну его этот Чёрный Бор, если там такие личности пирогами балуются? Мало что ли магических лесов в округе. Найду себе ещё пристанище.

Простояв несколько мгновений в оцепенении, я механически принялся наводить порядок. Вымыл посуду (не знаю, что меня на это подвигло – казалось, будто невидимый долг повелевал), убрал остатки продуктов, добавил на стол ещё несколько яств – на всякий случай – и лишь тогда направился к заветной двери.

И вот тут... Мой разум отказался воспринимать увиденное.

Мать моя женщина, отец мой мужчина... ЭТО ВСЁ – МОЁ?

Глава третья.

Возвращение короля.

Склеп Шепчущих Колонн

Тяжёлые шаги эхом разнеслись по древнему склепу, когда Балмор Громовой Горн, архимаг земли и повелитель каменных глубин, пересёк его порог во главе своего отряда. Он

никогда не ступал на эту проклятую землю прежде, но знал её историю – знал, как многие до него бросали вызов Скверноликому, и как все они навеки остались в этих стенах, став частью мрачной легенды.

Тишина.

Она висела в воздухе, густая, давящая, до мурашек пробегающая по коже. Командир отряда уже понял – чужаки, пришедшие сюда, обладали невероятной мощью. Они явились не за зерном, не за сокровищами. Они пришли закрытьobelisk, и, как ему кажется, это проделки другого королевства. Кто-то прознал и послал отряд лишить их этого преимущества. Как же он хочет поговорить с ними по душам.

Отряд шёл в центре зала, как вдруг пространство всколыхнулось, и из клубящихся теней разверзся портал. Из него ступила девушка – изящная, прекрасная, с глазами, полными холодного огня.

И от неё веяло такой силой, что у Балмора сжалось сердце, а источник сам потянулся к ману-кристаллу в наверхие молота, готовясь отдать жизнь носителя подороже.

– Оно даровало мне силу, о которой только можно мечтать, – её голос звенел, как лезвие по стеклу, – и я хочу немного... поразвлечься. Но, увы, этот мир скоро канет в небытие, и мне не удастся насладиться игрой в полной мере. А потому... Я дарую вам жизнь. Взамен вы передадите кое-кому кое-что.

Она играючи нажала своей волей – и все гномы как один

рухнули на колени. Её смех, звонкий и леденящий, разнёсся между колонн, будто сотни призраков вторили ему. Бывалые воины, прошедшие многие битвы, впали в настоящий шок. Им ещё не доводилось встречать кого-то такой силы.

– Передайте Кайлосу... Я жду нашей встречи. С нетерпением.

Балмор, с трудом подняв голову, набрался духу:

– Кто это и от... От кого передать?

Девушка задумалась на мгновение, затем улыбнулась – и эта улыбка не сулила ничего хорошего.

– Хм-м... Передай от Лейры, а Кайлос... Это тот, за кем вы так безуспешно гонитесь.

И прежде, чем эхо её слов успело затихнуть, она растворилась в тенях, оставив после себя ледяной ветер и невысказанную угрозу, а самих гномов выкинуло за пределы мира.

Отряд пришёл в себя, медленно осознавая страшную истину – они вернулись домой.

Но не в тёплые залы крепости, не под сень родных сводов – а в самое чрево каменной бездны, к подножию древнего обелиска.

Того самого, которого больше не существовало.

На его месте зияла пустота – грубая, нелепая, словно вырванный клык из пасти великана. Стены пещеры, веками хранившие священный монолит, теперь смотрелись сиротливо, будто осиротевшие стражи.

Шок. Неверие. Ярость. Они не справились. Они подвели

свой народ. Короля. Самих себя.

– Нет... – зарычал кто-то из воинов, и это слово, полное отчаяния, вонзилось как игла в сердца остальных, заражая их.

Обелиск исчез. А вместе с ним – и надежда.

Лязг металла, скрежет зубов. Члены отряда резко развернулись. Те, кого они столько времени преследовали, теперь стояли перед ними. Великий Наковаль дал им шанс отмстить.

Вспыхнули боевые ауры, разом, будто по незримому сигналу. Руны на оружии и доспехах вспыхнули алым, синим и изумрудным пламенем, напитываясь магической энергией. Воздух затрепетал от сгустившейся мощи.

Будет бой.

Не схватка – резня.

Не битва – избиение.

И кто кого – вопрос открытый.

– Отряд, к бою, – закричал Балмор, вскинув молот вверх.

За полчаса до роковых событий...

Я замер посреди покоев, чьи размеры внушали почтительное оцепенение. Богатство, сваленное здесь в живописном хаосе, могло бы ослепить и короля: сундуки, набитые самоцветами, что переливались, словно вымытая люстра из хрусталя в гостиной мамы. Древние свитки, оплетённые сереб-

ряными и не только застёжками; фолианты в переплётах из шкур неведомых существ. Слева была свалена золотая посуда, отполированная до зеркального блеска. У стены стоял стол, заставленный склянками с зельями, в которых пульсировал странный свет... Прочёл одно, и дыхание перехватило. «Зелье молодости» – выпей, и тебе снова пятнадцать.

Мелкого шрифта не было, но я почему-то был уверен. Там не всё так просто. Выпьешь, и все твои труды по раскачке источника вернутся к началу. Нет уж, спасибо.

Но больше всего меня заинтересовали ящики с синими шариками – мягкими, податливыми, слегка упругими, будто капли смолы, застывшие под солнцем на коре дерева. Они странно напомнили мне «лизуна» – ту самую игрушку из детства, что растягивалась, как жвачка для великана.

«Горошины...» – мелькнуло в голове. Их было пять сундуков. Пять огромных сундучищ.

Я не стал раздумывать.

Руки сами потянулись к сумке, раскрывая её, но рациональность взяла верх – вручную я бы копался здесь до следующего полнолуния. Напомнил себе, что владею бытовой магией – той самой, что аккуратно расставляет посуду по полкам после ужина. Почему бы не применить её здесь?

Шёпот заклинания – и синие шарики взмыли в воздух, устремляясь в сумку ровным потоком, будто синий дождь, идущий наоборот. Красота.

Женя умный, Женя молодец, – похвалил я себя.

На беглый осмотр ушло минут пятнадцать.

«Осмотр» – громко сказано. Я не стал хватать всё подряд, хотя искушение висело в воздухе гуще пыли на этих древних свитках. В голове набатом звучали предупреждения мага. А значит, надо выбирать с умом.

Потому я для себя решил: «Три вещи для себя... Одна для каждого из моих... Не больше...»

Я не знал, откуда взялось это правило – то ли из страха перед проклятием, то ли из глубин собственной совести. Но я чувствовал – нарушишь, и случится нечто необратимое.

Последние годы заставили меня прислушиваться к моему источнику как к самому себе.

Горошины... нет, они не в счёт. Они не были наградой, трофеем, платой за риск. В этом я не сомневался ни секунды. Потому как я их мог получить и не сражаясь со стражами.

Драгоценные камни, золотые безделушки и прочие мирские соблазны я отмёл одним взглядом. Богатства – преходящи, а у меня его и так будет в избытке. Мой выбор должен быть мудрее.

Первым в моих руках оказался кулон – неказистый с виду, но скрывавший в себе дыхание самой жизни. Одноразовый, увы, но для Вейлы – дар бесценный. Один раз, если она окажется в смертельной опасности, он её спасёт, не даст умереть.

Вторым – пара кинжалов, чьи клинки изгибались, как молодые месяцы в ночном небе. Рукояти, обтянутые алой ко-

жей и прошитые серебряной нитью, словно звали в руки. Большой Пуф оценит. Его стиль. Тем более они были не простые. Судя по приписке, могли исчезать и появляться по желанию хозяина. Как те, что были у Крианы. Там много чего было написано, но мне и первых строк хватило.

Третьим – кираса для Бренора. Тяжёлая на вид, однако на деле оказалась лёгкой, словно пушинка, когда я её взял в руки. Нагрудник был испещрён рунами. Надпись на бумажке гласила: «Отражатель». Магия, ударившая в него, станет его же оружием.

Именно то, что нужно.

Теперь – очередь меня любимого.

Книга.

«Тьма: что это такое и с чем её едят». Шутливый заголовок, но содержание... Страницы шептались от древних знаний.

Однозначно беру.

Шкатулка, схожа с той, что предлагал нам Скверноликий или кто он там был на самом деле... Ах да, Тайко Ливандус. Надо бы выяснить, кто это такой.

Внутри лежало настоящее богатство. Пять «зёрен возрождения». Беру.

Глаза уже устали от этого изобилия. Да и время поджимало. Зажмурил глаза и, отбросив все мысли, протянул руку наугад.

Яйцо. Синее. Страусинового размера.

С виду обычное... Если не считать цвета. И зачем оно мне? Что я с ним буду делать? Вон там меч лежит, способный разрубить всё что угодно. Буду как Артур Бесстрашный с его шпагой. Может, ну его? И главное, подписи никакой нет. Просто яйцо.

Быть может, оно увеличит источник магии в десять раз, если я приготовлю яичницу? Хм-м. Сомнительно. Но раз уж судьба подсунула его мне в руки... Значит, так надо. Даже если он останется просто сувениром. Памятью. Пусть будет так. Первый обелиск, первая победа, первая... надежда. Положив его в сумку, куда только вот-вот закончились перебираться горошины, я побежал вниз. Но замер в проёме.

Криана – прошептал я, внезапно осознав забытое. Она сражалась плечом к плечу с нами, пролила кровь за общее дело – разве не заслужила свою долю?

Мысль о встрече с ней вновь вызвала странное чувство. Встретимся ли? Узнает ли? Или её взгляд наполнится холодной яростью, а клинки – жаждой мести? Но таков путь – мы не выбираем, кого терять и кого обретать.

Да, она пала в битве... с самой собой. Горькая ирония судьбы.

Я вернулся к сокровищам, закрыл глаза и протянул руку, позволив интуиции вести меня. Пальцы наткнулись на что-то прохладное, почти живое.

Кристалл.

Мутный, словно подёрнутый утренним туманом.

Умещался на ладони, но тяжелел с каждой секундой, будто вбирал в себя тишину веков.

Что он даст?

Да кто ж его знает.

Но в этом выборе, как и во всех предыдущих, была та же необъяснимая уверенность – я поступаю правильно.

Спустившись по лестнице, я застал свой отряд сидящим на полу.

– Народ, у нас меньше двенадцати минут, и этого мира не станет. Бежим в тюрьму. Надо забрать гнома и Тораксию. Все вопросы потом.

– Кстати, это тебе, потом расскажу, что это, – впихнул кирасу гному.

– Бежим, друзья, иначе останемся здесь навечно, – договаривал я, вбегая в расщелину в стене. Через три минуты я уже находился в подвале.

– Бренор, освобождай своего дружка, а я за пчёлкой.

Я встал перед ней и с довольной улыбкой.

– Ну что, вы не ждали, а мы пришли. Готова дать клятву? Только время поджигает.

– Да, – ответила она мгновенно. Я даже немного растерялся. Думал, сейчас начнётся, мол, давай пересмотрим условия, и всё такое.

– Тогда повторяй за мной.

"Пусть жала моего рода никогда не коснутся твоей плоти и плоти тех, в ком течёт твоя кровь."

Клянусь:

– Не подниму жало против тебя и твоих родичей,

Отдавать стану семьдесят процентов из ста процентов
урожая горошин в год, как обещано,

Приду на зов, когда застонут рог тревоги.

Кто нарушит —

Кровь в жилах его превратится в желчь,

Крылья отсохнут, как лист в засуху,

А последний укус будет дан самому себе.

Пусть печать мироздания скрепит этот договор навеки.

Она повторила всё слово в слово. Ни разу не сбилась.

– Взамен ты, Кайлос, клянись:

Защищать Улей мой от меча и пламени,

Не нарушать границы Цветущего Чертога,

Делиться сладким, когда урожай будет щедр.

Кто нарушит —

Кровь в жилах его превратится в желчь,

Ноги и руки отсохнут, как лист в засуху,

А последний удар будет нанесён самому себе.

Пусть печать мироздания скрепит этот договор навеки.

Нас двоих окутал лёгкий ветерок.

– «Услышано».

Я поднял руку и одним ударом молнии сбил с неё оковы,
а после вырвал замки у клеток. Далее надел кольцо.

– Знаешь, что это?

– Да, артефакт пленения.

– Верь мне, это всего лишь артефакт, что даст мне возможность спасти вас.

Она ничего не ответила, когда я подал магию в кольцо, ни королева, ни её подданные не сопротивлялись. Перед ним открылся портал, куда они все и влетели.

Пока я решал свои вопросы, горец с помощью Грохотуна освобождал старика.

– Так, все готовы?

– Да, – услышал я нестройный хор голосов.

«Nox Transitus Domum» – на последние крохи энергии я создал портал.

– Не стоим, товарищи, двигаем ножками, – подталкивая их в спину, запихнул в портал. Оказались мы недалеко от рыбного леса, где, как только потух мой портал, открылся тот, что ведёт наружу.

– Будем надеяться, нас там не ждут, – и мы шагнули.

Когда краски мира вновь обрели свои цвета, а мы, проморгавшись, начали оглядываться, то первое, что увидели, это как напротив нас стоит отряд вооружённых до зубов гномов. Растерянные, озираются. Это, видимо, те самые, о которых предупреждал архимагистр Эльрикас. Их, похоже, выкинуло вместе с нами.

Обернувшись, я обнаружил, что обелиска более нет.

Ага, теперь понятно, чего это их растерянные лица стано-

вятся такими злыми. Кормушка-то закрыта.

– Отряд к бою, – закричал гном, вскинув молот вверх.

Молот не простой, а с мана-накопителем. В отличие от моего, он забит под завязку. Вон как сверкает.

Так и что же нам делать? Но помощь пришла откуда не ждали.

Стоило гномам сдвинуться с места, как их остановил окрик. Дед, которого мы освободили, если верить нашему бессмертному другу, является истинным королём. А тот, что правит сейчас, его младший брат. И нет, он не подставил старшего, а только принял бразды правления, когда Ториндус Старквилл сгинул в обелиске.

– Стоять именем короля Ториндуса Старквилла Звёздного, – вышел им навстречу Бренор, сын Рунара, а с ним и тот самый дед. Эх, сюда бы попкорн и колу. Нервы ни к чёрту.

Ещё не погасло эхо произнесённых слов по пещере, а боевые гномы встали как вкопанные.

Стоило нашему деду зажечь на ладони яркий шарик света размером для пинг-понга, как все тут же замерли, а после преклонили колени.

Я обалдел. Откуда у гномов маг света? Потом до меня дошло, дар зерна.

На ногах остался стоять только тот, что был с молотом. Он подошёл и склонился в поклоне возле деда.

– Великий король Ториндус, вы ли это?

– Я-то это я, а вы кто таков будешь?

Его голос окреп. Видимо, зелье исцеления уже подействовало. У него даже румянец появился.

– Балмор Громовой Горн, сын Дурина Каменная кожа.

– Уважаемый гном.

– Мой отец... – голос Балмора дрогнул. – Он...

– Твой отец пал в бою, защищая короля, а вот к остальным братьям, кто ушёл со мной в поход, вот к ним у меня будут вопросы. Если, конечно, они ещё живы, – с каждым словом его голос креп и становился более властным.

– Мой король, прошу вас, оставим эти вопросы, когда окажемся во дворце. Сейчас же надо покарать чужаков, они лишили нас...

И вот тут я напрягся. Да, мы освободили его, но и в то же время лишили его народ возможности добывать зёрна. А это, извините, не шутки.

Дед расхохотался.

– Балмор, ты серьёзно хочешь напасть на того, кто в одиночку убил всех монстров? Ты умом тронулся?

– Он не в одиноч... – но гоблину не дала договорить Вейла, зажав рот.

– Ваше величество, но он виноват в том...

– Он спас твоего короля. Этого тебе должно быть достаточно. «Или моё слово для тебя ничего не значит?» – произнёс с явной угрозой Старквилл, вместе с тем зажигая свет на руке. Я знал, что у него источник почти пуст. Клетка, в которой он содержался, не давала ему возможности напол-

нять его полностью. А вот Балмор нет. Да, он тоже сильный маг, но опыт играет здесь куда больше, чем сила. Да и дед, похоже, умело скрывал своё опустошение.

– Прошу простить меня, мой король. Гнев затуманил мой разум.

– Вижу, а ещё вижу, что вы, гномы, совсем обленились, коли выбрали благом зерно раз в сто лет, чем убивать монстров в ничейных землях. Или пока я сидел в заточении, их захватили?

Судя по лицам бородатых, им стыдно.

– Всё, довольно. Открывай портал в мои чертоги.

– А вы, – повернулся он к нам, – будьте моими почётными гостями. Вас никто не тронет, а если и тронет, – старик усмехнулся, – то я за него помолюсь Великому Наковалю.

Первым в открывшийся портал вошёл король, затем мы, а за нами все остальные.

Нас разместили в комнатах дворца, Вейла в одной, Гоблин и Горец со мной, по моей просьбе. Пока приняли душ, привели себя в порядок и всё прочее, прошло часов шесть.

Я сидел в медитации и восстанавливал источник. Кто знает, как всё обернётся. Сейчас старый король нам благодарен, а уже к вечеру потащит на плаху. Двери открылись, и в комнату вошёл Бренор.

– Ну и как там твои, рады? – спросил я, не открывая глаз. Гном ходил проводить семью. Я ему посоветовал, мол, нас всё равно скоро не позовут, так что у него полно времени.

А так как мы не заложники, он спокойно вышел со двора и так же вернулся. Только перед уходом я ему намекнул, чтобы при общении с близкими держал язык за зубами. Пусть, если что, опирается на то, что дал клятву о неразглашении и всё такое.

Бренор оказался понятливым, а потому согласился. Лишних проблем для родных никому не хочется.

– Мама долго плакала, но от радости. Отец, узнав о даре, чуть ли не прыгал на месте. Брат и сестра также обрадовались, что я жив.

– Так мы же письмо им посылали или не дошло?

– Ну так-то оно так, вот только увидеть живым – это совсем другое.

– Согласен. Живой да во плоти – это куда лучше. Вот что хотел спросить, этот твой король давно сгинул?

– Очень. Отец моего отца ещё даже не родился, – он сел напротив и налил себе медовухи, которую Грохотун выпросил у меня.

– Как думаешь, Торвальд отдаст трон?

– Конечно, – с уверенностью произнёс он. – По-другому и быть не может. Ториндус Старквилл Звёздный – один из лучших королей нашего народа. Мудрый, справедливый и сильный. На него никогда ни один клан не мог повлиять, я имею в виду его решения. Правда, уж больно был горяч. Вот и полез к Скверноликому. Думал, одолеет.

– Если там только магическая сила была нужна, то, может,

и одолел. А так... Ну ты сам помнишь, чем он бил.

– Такое вряд ли забудешь, – они с гоблином чокнулись.

– А у вашего народа нет предрассудков по поводу нашего зеленокожего друга?

– С чего бы? Мы нормально относимся ко всем народам. Разве к крысам не очень, да и к гноллам. Всё-таки они не совсем разумны.

– Это хорошо, – я встал и сел к ним за стол. За всё это время накопил процента три. Да, крохи, но хоть что-то.

– А с пламенем не расскажешь, что там было?

Он отставил стакан, вытер бороду и проговорил:

– Спросили, кем я готов пожертвовать.

– Понятно. Спасибо тебе, друг. Но, как я понимаю, в тот момент ты не знал, выживешь ты или нет? – Он кивнул. – Ещё раз тебе спасибо от всего сердца.

Выпив с ними стаканчик, я решил уточнить кое-что.

– А не хочешь мне рассказать, что ты за дар получил от зерна? – И вот тут он потупил взгляд.

– Давай-давай, колись. А то, когда из меня не по моему желанию вырывается магия чистой тьмы, мне как-то не по себе становится.

– В общем...

– Слышь, Пуф, сгоняй за Вейлой, подарочки буду дарить, – понял я правильно его заминку.

Я ещё только к сумке потянулся, а его уже ветром сдуло.

– Дар называется «Связь с Кайлосом», – заговорил он, как

только гоблин скрылся за дверью.

– О как, звучит круто, продолжай.

– Когда я умираю, то твоя тьма, та чистая первозданная, лечит меня и быстрее возвращает к жизни. Ещё изредка мы будем видеть сны друг друга. Как это работает, я не скажу.

– Понял. Ещё что-то?

– Да, – начал он неуверенным голосом, – когда ты применяешь тьму без своих молний, то я её чувствую. Как бы объяснить. Такое ощущение, будто она исходит из меня. В этот момент что-то во мне меняется.

Я задумался. Тьма, судя по тем не многочисленным трактатам, которые я читал, меняет людей не в лучшую сторону. Если я могу с ней бороться, то вот он вряд ли.

– Это происходит, когда ты рядом, или теперь всегда так будет? – Он пожал плечами.

– Ясно. Разберёмся.

В дверях появилась Вейла – свежая, будто утренний ветерок, в струящемся платье, что колыхалось при каждом шаге. Я прям залюбовался. Рядом шёл надутый Большой Пуф, его лицо выражало недовольство, а ещё обеспокоенность.

– Господина Кайлоса, – проскрипел Пуф, – соблаговолите убедить эту недоверчивую особу, что намерены осыпать нас дарами. А то грозитя ухо откусить, если я сказал не правду.

– Он говорит правду, – подтвердил я его слова, – присаживайтесь.

Бренор, уже облачённый в новую кирасу, стучал по на-

груднику костяшками пальцев:

– Красивая вещица.

Я ударил по нему искрой, и она вернулась в меня.

– Теперь понял, в чём её суть?

– М-да, так понятнее, но мог и просто рассказать.

– Так неинтересно, друг мой, – улыбнулся я. – Ну что, доволен? Стоило это твоих смертей?

– Ещё бы. Древние мастера знали толк – нынче так не ку-ют.

Я повернулся к нашей волчице.

– Вейла, это тебе, – протянул кулон, и он замерцал в её ладони, будто пойманная звезда. – Запомни: он одноразовый. Но если смерть заглянет в твои глаза – будь то клинок, яд или магический удар – ты выживешь. А он... рассыплется прахом. Причём он выдержит удар архимагистра.

– Ничего себе... Кай, я... Глаза её блеснули влагой. – Огромное спасибо.

– Это тебе спасибо, – улыбнулся я искренне, вспоминая, сколько раз она прикрывала мне спину.

– Ну а тебе, Большой Пуф... – Я извлёк два изогнутых кинжала, чьи лезвия искрились в свете магических светильников. – Произнеси заклинание – и они станут твоими. Будут приходить по зову и исчезать, когда не нужны.

Последующий час гоблин пропал из виду, увлечённо экспериментируя с новым приобретением. То тут, то там в воздухе вспыхивали стальные полумесяцы, то растворяясь в ни-

что, то материализуясь вновь – будто капризные духи стали.

Далее хотел раздать горошины, но к нам постучались.

– Входите.

Дверь медленно открылась.

– Здравствуйте, вас просят прийти в малый зал короля.

– Какого именно? – От моего вопроса вошедший гном завис.

– Ладно, не грузись, а то ещё зависнешь, – гном от моих слов завис. Блин, сломал коротышку.

– Идёмте, друзья, – я встал и направился на выход, – а после чуть тише добавил, – и будьте готовы ко всему.

Но тут слуга вновь заговорил:

– Простите, господин Кайлос, но просят только вас.

– Что ж, ожидаемо. Тогда прошу, позаботьтесь о моих друзьях. Первое, хочу, чтобы вы их вкусно накормили, второе, когда, именно когда, а не если, я вернусь, и вдруг случится так, что с ними что-то не так, вы пострадаете первым. Затем все те, кто этому причастен. Это не угроза, а сухая констатация факта.

– Да, господин маг, – ответил он и глаз не отвёл. А молодец, умеет себя держать. Хотя, может, не верит и считает, что такой малец, как я, лишь сыплю словами. Ну, тогда всё останется на его совести.

– Тогда идём, – весело повторил я. Будто ничего и не было. Однако мой провожатый не разделял моего веселья.

Глава четвёртая.

Торги.

Когда меня ввели в зал, там уже ожидала троица важных гномов: Торвальд Каменное Сердце Старквилл, восседавший во главе стола словно высеченная из гранита статуя. Ториндус Старквилл Звёздный, чьи пронизательные глаза мерцали, как далёкие созвездия. А ведь недавно казался немощным стариком. Быстро идёт на поправку, ничего не скажешь. И тот гном, вроде Балмор Грозовой Горн или Горомой, не суть, от которого веяло мощью, сравнимой разве что с разбушевавшейся стихией. Реально силён.

Они сидели за чёрным, массивным, с ожившими словно молниями прожилками, мраморным столом, на удивление пустым – ни яств, ни кубков, исключительно холодный камень, разделявший троицу. Такое напряжение стояло в комнате, что поставь тут лампочку, и она засветится. Вот только откуда ей здесь взяться?

Я сделал несколько размеренных шагов вперёд и склонился в почтительном поклоне, чувствуя, как тяжесть их взглядов давит на мои плечи.

– Ваше величество, – начал я, тщательно подбирая слова, – позвольте представиться: Кайлос, ученик Торгуса «Громовержца» Ворхельма, хранителя замка Разрушенных небес. – Моя рука скользнула к внутреннему карману, откуда я извлёк письмо с оттиском учительской печати. – Честь знаком-

ства с вами бесценна, даже если обстоятельства этого знакомства... несколько необычны.

Хорошо, что я успел снять кольцо по дороге сюда – иначе бы непременно привлёк ненужное внимание. Надеюсь, Бренор не проболтался о его существовании. Мой проводник и вправду необычен: в то время как у всех магов, которых я встречал, в оправе сиял лишь один камень, в моём кольце их два, переплетённые в странном танце.

Да, Ридикус упоминал, что архимагистры со временем перестают нуждаться в подобных артефактах... Но таких волшебников во всём Кероне – раз-два и обчёлся.

Но хватит отвлекаться. Вон король Торвальд смотрит на меня так, будто пытается прожечь взглядом.

Он сидел неподвижно, словно изваяние, высеченное из самой сердцевины горы, но я заметил, как его пальцы впились в подлокотники трона, сдерживая бурю эмоций. Этот жест уважения к придворному этикету вызвал во мне тихое одобрение.

Признаться, я чувствовал себя не в своей тарелке. До этого момента самым важным лицом, с которым мне доводилось общаться, был директор школы – и то лишь во время вручения грамот. А теперь передо мной восседал монарх, облачённый в парчу и многовековую власть, маг, чья сила могла сравниться разве что с разъярённой стихией. Да, он был могуществен – этого не отнять. Вообще-то, если разобраться, здесь присутствовали сразу два монарха... Но для меня

он оставался просто гномом. Пусть и в короне.

Я никогда не испытывал пиетета перед сильными мира сего. Возможно, потому что знал: моя собственная мощь ничуть не уступает их. Да, это звучит самонадеянно, но что поделать – правда есть правда. Максимум, на что я способен – сдерживать грубости и не выпячивать грудь с видом «ну-ка попробуйте троньте».

Хотя... если бы здесь оказался наш президент, дело приняло бы иной оборот.

Письмо первым взял Балмор Грозовой Горн. По мере чтения его брови всё плотнее смыкались над переносицей, пока лицо не окаменело в суровом выражении.

– Всё верно, – пророкотал он, складывая пергамент. – Паренёк действительно ученик Ворхельма. Печать настоящая. Старый маг просит: если его подопечный натворит глупостей – вызвать его через портал. А если... – Балмор сделал многозначительную паузу, – если «глупости» окажутся слишком серьёзными, он нам искренне сочувствует и советует... договориться с ним.

Ториндус Старквилл неожиданно рассмеялся, и звон его смеха разлетелся по залу, как рассыпавшиеся звёзды:

– Я же говорил вам, он не так прост! Кем бы ни был этот потомок Ворхельмов, но он определённо маг достойный, если осмеливается так откровенно предупреждать нас. Ведь он прекрасно понимает, какие последствия могут иметь эти строки для наших с ним отношений. С учётом как близко

его земли к нам.

– Прежде чем мы приступим к столь важной беседе, достопочтенные господа, – произнёс я, неторопливо доставая из сумки завернутые в пергамент снеки, – позвольте создать подобающую атмосферу.

Мои пальцы ловко раскладывали на полированном столе хрустящие чипсы и ароматные хлебцы, щедро приправленные экзотическими специями. Даже королевская маска невозмутимости дала трещину, когда перед ним появились эти скромные, но душевные яства.

– Мой наставник, архимаг Ридикус Огнебровый, говорил: «Истинная беседа требует достойного сопровождения». Не найдётся ли в ваших кладовых доброго эля?

К счастью, в этом мире не принято допытываться о возрасте. Хотя напиться до положения риз я, конечно, не собирался – достаточно было создать непринуждённую атмосферу. Для их же благорасположения.

Король едва заметно кивнул, и уже через мгновение перед нами красовался бочонок литров на десять, а в массивные кружки звонко лилось золотистое пенистое. Я лишь слегка пригубил напиток, желая сохранить ясность ума, тогда как мои собеседники сначала с подозрительной осторожностью пробовали мои скромные угощения... чтобы затем с истинно гномьим энтузиазмом приняться за трапезу. Разумеется, не прежде чем королевский дегустатор трижды прове-

рил каждую крошку – вот ведь дотошный служака! Не упустил ни малейшей детали. Что ж, заслуживает уважения такая преданность долгу. Или ему просто они понравились, вот он и ел, якобы дегустирует.

– Откуда это ты такие нам вкусоности принёс? – спросил Ториндус, закидывающий чипсы в рот с скоростью автомата.

– Сам приготовил. Нашёл как-то книгу на кухне, что принадлежала алхимику. Вот там и вычитал рецепт.

– Как звали его? – впервые подал голос король (действующий).

– Эльрикас Серебряный Лист. Пришлось много трав собирать, до того как научился готовить хотя бы пару блюд из неё.

– Уважаемый маг, – со знанием дела произнёс старший Старквилл.

А я мысленно присвистнул. Это ж сколько лет алхимику? Тысяча, две, пять? Интересно, а он бы так говорил, если бы знал, кто его пленил? Ну не он сам, конечно, а его страж, но, думаю, это не сильно бы поменяло его мнение.

Пока уважаемые гномы наслаждались трапезой, я поведал им историю своего проникновения в замок. Первая часть рассказа – о том, как встретил Ридикуса, как стал учеником Торгуса – не вызвала у них особого интереса. Но когда речь зашла о том, что древняя башня сама впустила меня, признав своим другом, – в зале воцарилась гробовая тишина.

Недоверие гномов было столь велико, что они потребова-

ли священной клятвы перед мирозданием. Даже после этого они ещё целый час горячо обсуждали, как такое вообще возможно. «Камни не принимают чужаков!» – гремели голоса. «Это противоречит всем законам архитектурной магии!»

Спор разгорался с невероятной силой. Вскоре в зал стали вызывать почтенных гномов: седобородых учёных, мастеров-архитекторов, хранителей древних летописей. Все они в недоумении перешёптывались, лихорадочно перебирая страницы фолиантов – вдруг в анналах истории уже встречался подобный прецедент?

После долгих прений консилиум мудрецов вынес вердикт: я должен быть дальним родственником Ворхельмов, и точка. Я не стал оспаривать это решение – кто знает, возможно, в их словах и правда была доля истины.

Но где-то в глубине души шевелилось смутное ощущение, что истинная причина моего признания башней кроется в чём-то ином... В чём-то, что пока остаётся за гранью понимания.

Когда мы вновь остались вчетвером, я понял: настал момент для серьёзного разговора. Предварительно мы все дали клятвы перед мирозданием, что всё, что будет сказано и услышано, не уйдёт на сторону.

Слово взял старший Старквилл.

– Кайлос... – голос Ториндуса прозвучал как холодный ветер, завывающий среди древних руин. Сразу стало ясно: милая беседа окончена. – Скажи мне, зачем ты уничтожил

Обелиск?

Мои губы искривились в усмешке, ну а что тут сказать? По сути, так оно и есть. Разрушил.

– Разрушил? О нет, уважаемый Ториндус. – Я медленно покачал головой. Я понимал, что будут давить и требовать платы или ещё чего. А оно мне надо? – Я лишь... закрыл его. И на то есть две причины.

– Неужели? – старик скрестил руки на груди, брови его сдвинулись в немом вопросе. – Поведаете нам или секрет?

Пришлось поведать им историю, случившуюся у реки, но, как говорится, укрощённую и отцензуренную версию.

– Я стал искать информацию, где бы найти Зерно Возрождения, перерыл тысячи книг.

Почему-то тут они мне опять не поверили. Да и боги с ними.

– Так я узнал, что есть порталы, ведущие в другие миры, где существуют монстры, убив которых я и обрету нужное мне зерно. Вот только где этот портал, я не знал. Затем я наткнулся на дневник одного из предков Ворхельма, Бильбо, который и упомянул обелиск под Железными горами, что якобы он ведёт в другой мир.

– Нашли мы его случайно, – тут мне пришлось опять отойти в сторону, дабы поведать о событиях, что привели нас к обелиску. – После, попав внутрь, я шёл по наитию.

– Так почему же, когда получил зерно, не вышел из портала? – Поинтересовался он, вглядываясь мне в лицо.

– Так нам гоблин сказал, что три месяца по-любому ждать придётся. А в книге мельком упоминалась фраза «Победи, и ты свободен». Вот я и подумал, что, если убить всех монстров, портал домой и откроется.

– Что за книга?

– Простите, всего рассказать вам не могу. Не моя тайна. Слышно было, как Балмор и Торвальд скрипнули зубами. Их бы воля, я уже лежал бы на пыточном столе.

– Пойми, Кайлос, – мягко начал Ториндус. – Наверное, у тебя были веские причины сделать то, что ты сделал. Вот только как нам-то быть? Ты лишил нас источника добычи зёрен. Тем самым притормозив развитие.

– А что, ничейные земли отменили? Вы вроде как недавно сами такое заявляли. Мол, гномы обленились, подсели на дармовую силушку.

– Так-то оно так. Но тут пойми, вот в чём дело. Если ты употребил зерно, твоё развитие скакнёт далеко вперёд, если его употребит маг-гном, то он получит... Ну, максимум десятую часть. Как ты представляешь, чтобы король рыскал в поисках монстров, дающих развитие источника, когда ему надо править королевством?

– Так вас двое. Один правит, другой качается. То есть я хотел сказать, развивается.

– Неплохое решение, – усмехнулся он. – Мы подумаем. Но ты лишил нас не только развития, но и ценных ингредиентов.

– Вы про это? – достал я синий шарик. Вы бы видели, как

они оживились.

– Я могу вам их продать. Например, по тысяче золотых за штуку.

– Мальчик, а ты часом с ума не сошёл? Такие цены ломить, – нахмурился Громовой Горн.

– А вы что, можете взять их где-то ещё? – мой голос был полон наигранного удивления.

– Мы можем убить тебя как человека, посягнувшего на стратегический ресурс королевства Железных Гор, – попробовал напугать меня седой гном, что, как я понял, тут за начальника СБ пашет.

– Можете попытаться, только тогда я сотру ваше королевство в песок, – с лёгкой улыбкой проговорил я. Чем вызвал у них замешательство, а после гнев. Не каждый день какой-то сопляк угрожает не то что трём архимагам, а целому народу.

Ругательств не было, всё-таки они стары и мудры, а потому быстро взяли себя в руки. Наверное, думают, я выпендриваюсь. Ну-ну.

– Мальчик, не стоит кидаться словами в обществе мужей, чьих руки по локоть в крови.

– Многоуважаемые гномы... – голос мой прозвучал мягко, но с отчётливой сталью в тембре, словно клинок, обёрнутый бархатом. Я медленно поднял руки в жесте примирения, давая понять, что оружие останется в ножнах. – Наш спор зашёл в тупик, и я вижу, как тени недоверия сгущаются между нами. Позвольте прервать этот порочный круг.

Пауза. Вздых.

— Во избежание ненужного кровопролития... я готов раскрыть вам нечто. — Глаза мои сузились, ловя отблески сомнения в их взглядах. — Но помните: вы дали клятву Мирозданию. А значит, эта тайна останется с вами. Мои губы тронул холодный полунамёк улыбки. — Навеки. В могилу. И да пребудут ваши могилы нетронутыми... ещё долгие-долгие годы.

Тишина повисла в воздухе, густая, как дым от только что погасшего факела.

Пока говорил, достал кольцо, снял маскировку и продемонстрировал то же, что и Тораксии недавно. Ториндус, видимо, и вправду ничего не видел там, в казематах, иначе сейчас бы так не пялился на меня, как баран на новые ворота.

— Ты... — Торвальд не смог закончить предложение, но я пришёл ему на помощь.

— Да, я двухстихийник. Самый что ни на есть настоящий двухстихийник, — влил остатки, усиливая эффект. Ну всё, приехали. Я пуст. Всё, что накопил, ушло на демонстрацию.

Наслаждаясь произведённым эффектом, я медленно заговорил. При этом самого внутри трясло так, что мама не горюй. У меня энергии нема. Кристалл пустой. Да меня сейчас любой адепт в пыль сотрёт. Но что поделать. Прогибаться нельзя. Во всех книгах, что я читал, ГГ никогда не прогибался, вот и я не стану. Иначе не плавать мне в золоте, как богатой утке.

Когда троица пришла в себя, я более угрозы в них не ви-

дел, а вот страх – да.

– Послушайте, за моей характеристикой можете поинтересоваться у моего учителя. Вы же с ним хорошо ладите. Я не хочу повторять судьбу своих предшественников, но и в обиду себя не дам.

– Чего ты желаешь? – тяжело произнёс монарх.

– Стать самым богатым человеком в Кероне.

Я увидел понимающие лица. Что-что, а уж гномы ценили золото как никто другой. Моя цель для них ясна и понятна.

– У меня к вам предложение. Я продам вам пятьдесят горошин по 960 золотых.

– Прочти, почему девятьсот шестьдесят, а не девятьсот пятьдесят?

– Потому что это будет слишком жирной скидкой, – они рассмеялись, и напряжение, повисшее за столом, начало всех понемногу отпускать. Видимо, поняли, что я не вру о своих целях.

– Далее я буду вам поставлять пятьдесят штук каждый год на протяжении сотни лет. Взамен вы выделите мне земли, постройте замок и башню. Желательно так, чтобы граница моих будущих владений граничила с Чёрным бором.

– Погоди, Кайлос, – король оживился. – Ты хочешь сказать?

– Я же тебе говорил, а ты мне, братишка, не верил, – стукнул монарха по плечу бывший монарх... Или это уже Каменное сердце теперь бывший. Ладно, неважно.

– Да, вы правильно поняли. Я договорился с Гулдумами, хотя правильно их называть Висарий. По крайней мере, так они себя зовут. Так вот. Они будут жить на моих землях и... Остальное вас не касается. Только предупрежу: увижу хоть одного гнома, решившего позариться, пусть пеняет на себя.

Я человек мирный, – при этих словах Балмор начал как-то странно улыбаться. Чего это с ним? – Но воровства не потерплю. Сами подумайте, ваши границы будут защищены лучше, чем у кого-либо. Кто сунется к гномам, если у них в соседях маг-двухстихийник? Вижу по вам, вы поняли, о чём я толкую.

– Погоди, Кай, ты ещё совсем юн. Ты же это понимаешь? – Я кивнул. – И также понимаешь, что мы тебя сейчас сможем одолеть на раз. Твой источник пуст, – проговорил Ториндус, а я опять кивнул. Смысл скрывать. Он сильный маг, а я ещё не научился маскироваться так хорошо. – Рад, что ты всё понимаешь, и, как видишь, мы готовы строить диалог. Твою позицию мы слышали. Но давай договоримся так. Мы посоветуемся и выскажем свои условия. Сколько мы захотим горошин за башню и замок, ну и земли, конечно.

– Согласен. А пока я отправлюсь к учителю, если вы не против?

– Мы не против, – ответил за всех король Торвальд.

– А чтобы вам лучше думалось, – решил я подсластить пилюлю, – возможно, прям совсем случайно, я знаю, где добыть ещё зёрен, и кто знает, может, я весь такой в припод-

нятом настроении оттого, что у меня есть такие друзья, как вы, предложу выкупить их вам первыми.

– Это было бы замечательно, – проговорил Торвальд, да так, что я сразу понял, никуда я их больше не продам. Или им или никому.

– Кайлос, совсем забыл. Меня просили передать: «Я жду нашей встречи. С нетерпением».

– Кто?

– Некая Лейра. Она похожа на ту, с кем вы зашли в обелиск.

Так вот как её зовут, или это её новое имя. Неважно это, важно другое мы свидимся.

– Благодарю. И всего доброго, благородные гномы, и вам, ваше величество, крепкого здоровья, – протянул я горошину в знак доброй воли и поклонился, а затем, ещё и вытащив пару мисок с чипсами, покинул зал в сопровождении слуги.

Я понимал, это не последний наш разговор, но слов на сегодня достаточно. Им и так есть что обсудить.

Там же.

Как только двери за парнем закрылись, гномы переглянулись.

– Может, зря отпустили? – высказался Балмор, сын Дурина.

– А ты бы рискнул вступить с ним в бой? – усмехнулся Ториндус. – Это я так уж, взять его на слабо хотел, а он, видишь,

парень разумный оказался. В бочку не полез. Вот только что ты знаешь об источниках двухстихийников?

– Он обладает невероятным объёмом, сильной проводимостью и передачей энергии. Способен расширять и наполнять во множество быстрее, чем у обычных магов.

– Молодец. Образован.

Голос прозвучал как лезвие, скользящее по точильному камню – холодно, медленно, с искрами скрытой угрозы.

– Но ты, сын Дурина Каменная кожа, упускаешь суть.

Пауза. Взгляд, тяжёлый, как свинцовое небо перед бурей, скользнул по собеседнику.

– Будь его сила лишь в объёме маны – справиться с ним было бы сущей забавой. Собери кучку магов-середнячков, сложи их резервы – и вот уже он на коленях, задыхается от истощения. Но... – Губы искривились в улыбке, лишённой тепла.

– Проблема в ином. Для таких, как он, не существует рангов. Никаких. Он может вырвать из бездны заклинание уровня архимагистра – да нет, выше. Настолько выше, что мы, возможно, даже не смеем предполагать, насколько.

– Да, такое заклинание сожрёт энергию, сравнимую с жизнью целого города. Но у него-то как раз с этим... проблем нет.

Тишина. Гул собственного сердца в ушах. Торвальд и Балмор не были напуганы, они внимали каждому слову. Любая информация о таких, как Кайлос, невероятно редка.

– А теперь представь: он здесь. Во дворце. И применяет нечто... из тьмы. Голос стал шёпотом, словно боялся разбудить то, о чём говорил. – То самое «Поглощение душ», например. Ты готов поставить на кон тысячи жизней гномов? Потому что именно столько понадобится, чтобы насытить его...

– ...а может, и больше. Он уже убивал и не раз. С ним нам лучше дружить. Тьма не та магия, с которой стоит рисковать.

А теперь представь, если мы загоним его в угол. Что у него есть в сумке? Ведь он всегда с ней. Может, у него там ма-на-кристаллы? Тогда нам, трём архимагам, с ним не в жизнь сладить. Я знаю, о чём говорю. Видел, как мой прадед Бадурон в первой дружеской дуэли с таким, как он, проиграл, не успев произнести ни одного заклинания. Во второй дуэли он с сестрой Ингрид час бил заклинаниями, пока тот маг, Уэльс Каменный Ураган, пил эль и потешался над ними. Да и вспомни, этот парень убил всех главных монстров обелиска в одиночку. Ему сколько там?

– Четырнадцать, – ответил Балмор.

– Почти пятнадцать, – поправил его Торвальд.

– Во-во. А что будет, когда ему стукнет хотя бы двадцать? Он уже сейчас по объёму манны сравним с нами. Дальше даже боюсь представить, что из него вырастет.

– Если вырастет, – добавил начальник СБ. – Такие обычно долго не живут.

– Чует мой источник, этот проживёт и нас всех переживёт.

– Так что, будем договариваться? —

– Да, Балмор, – твёрдо заявил нынешний король. – Личиться горошин и даже призрачного шанса на зёрна возрождения я не намерен.

– Ладно, с парнем ещё разберёмся. Я тоже чую, что диалог мы сможем построить. Ты скажи, брат, что надумал. Вернёшься на трон? Я смуту сеять не буду, ты законный правитель, и отступлю, – заявил искренне Торвальд.

– Да ну его в шахту. Сам сиди и рули тут всем. Я лучше в Ничейные земли отправлюсь. Нас такие времена ждут, что, когда всё завертится, быть «обычным» архимагом ну вот совсем не хочется. Гномы понимающе хмыкнули, а после выпили.

– Мне б тоже туда, – поддакнул начальник СБ.

– Обойдёшься, ты мне тут нужен, а вот твой отряд составит компанию старшему брату. Заодно и остальных пусть поднимут в рангах. Вообще, пора заняться нашей армией.

– А вы оценили эти его закуски? Согласитесь, они чудо как хороши, – сменил скучную для себя тему Звёздный. – Надо бы в гости к Ворхельмам заглянуть. Что-то мне подсказывает, он научился готовить не только это, – указал на чипсы старший Старквилл.

– Тогда решено. Пусть Рагенсон выезжает и отмеряет земли, а после поторгует с ним. Если он наш будущий союзник, надо бы выбрать землю... Так, где у нас самый слабый участок? В общем, Балмор, это на тебе.

– Слушаюсь, ваше величество, – он встал и склонился.

– Но каков наглец, а? Набрал горошин, монополизировал добычу, а теперь за наш счёт хочет обогатиться. Так ещё наверняка зерно у него есть, а может и не одно, – весело усмехнулся король.

– Погодите с этим. Кажется, я знаю, как нам выйти в плюс. Есть у меня кое-что для него, ради чего парень откажется от золота, – довольно улыбнулся Ториндус. – Главное мы молодцы, что не стали пороть горячку.

Глава пятая

Маг чак-чак.

Железные горы мы покинули в тот же день.

Никто не чинил нам препятствий – за что я мысленно поставил местным властителям очередной плюс в свою незримую книгу учёта. Глядишь, чем больше таких отметок наберётся, тем сговорчивее стану в будущем... Впрочем, это всего-навсего предположение – слишком много переменных в этом уравнении судьбы.

Нас было трое.

Наш бессмертный спутник предпочёл остаться. Когда я спросил, отправится ли он со мной в столицу, он только покачал головой:

– Сейчас не могу дать ответ.

Я, со своей стороны, предложил помощь:

– Если дело в деньгах для твоей семьи – назови сумму. Любой вопрос решим.

Он поблагодарил с той сдержанной благодарностью, что свойственна гномам, привыкшим к неожиданной щедрости судьбы:

– Как только развяжу все узлы – сразу дам знать.

В Чаробанке мы оформили договор связи – хитроумный документ, позволявший ему связаться со мной в любой момент. Казнарий, по понятным причинам, ему бы просто так не выдали, без открытия счёта на 5000 золотых. Да и право переписки с клиентами банка при этом саму им не являясь требовало моего личного подтверждения – что я и совершил, скрепив печатью.

Ничего, – подумал я, глядя на удаляющиеся в дымке остроконечные вершины Железных гор. – Выучусь на артефактора, создам свою сеть связи. Не ту примитивную «сотовую», что была в моём мире, а истинно магическую – где каждый кристалл будет резонировать с другим, передавая мысли и образ через пространство... Прямо как в фильмах Лукаса, только цветное.

Но это – планы на будущее. А пока телега мерно покачивалась, увозя нас к новым приключениям. Точнее, должна была.

У самого выхода из-под горы нашу дорогу преградил неожиданный встречный, представившийся следователем. Пришлось свернуть в знакомую таверну, где запах от жарен-

ного мяса чуть ли не висел в воздухе густыми клубами. С людьми его положения разумнее сохранять хорошие отношения, потому я тщательно, с подобающей серьёзностью, изложил историю нашего знакомства с Крианой.

«Мол, нашли кольцо, она за нами погналась. Даже когда вернули артефакт, её погоня за нами продолжилась», – объяснял я в надежде, что у него нет артефакта, проверяющего, вру я или нет.

Он покивал и объяснил, почему так произошло. После рассказал, что имя той женщины Лейра – подлинное, или, по крайней мере, именно под ним она значится в их архивах. Я заверил, что после её падения след её для меня потерялся, и, к счастью, он не потребовал скрепить слова клятвой.

– Готовы ли вы дать показания под запись артефакта? «Если это потребуется?» – спросил он, пристально изучая моё лицо.

– Разумеется, – ответил я без колебаний, понимая, что разумнее согласиться.

Это его немного успокоило. В завершение он попросил продемонстрировать магию, которой я владею. Я вызвал слабую искру, позволив ей сверкнуть между пальцев, и добавил, что учусь у самого Торгуса. Последние сомнения рассеялись – он даже любезно оплатил наш ужин. Когда он удался, я задумался: неплохо бы изучить, как обходить артефакты-регистраторы. Уверен, способы существуют. И да, вроде всё прошло хорошо, я не спалился.

Дальнейший путь предстояло преодолеть на телеге – мой магический источник был ещё слишком слаб для долгих перемещений. Пузырёк, наш верный скакун, выражал недовольство всем видом: уши прижаты, ноздри дрожали.

– Самый отборный овёс тебе обеспечен, и массаж в придачу, – пообещал я, похлопывая его по шее.

Неизвестно, понял ли он мои слова, но, кажется, оценил тон – фыркать перестал.

Телега скрипела, дорога тянулась неспешно, а я погрузился в размышления о том, какие ещё сюрпризы приготовила нам судьба. С учётом произошедших событий их точно будет... ну вы поняли.

Когда мы проехали почти полдня, мне стало скучно, и я решил прояснить один давно терзавший меня вопрос.

– Послушай, Пуф, – начал я, наблюдая, как он с наслаждением прихлёбывает медовуху. – Ты как-то упоминал, что после поедания определённой горошины ощутил прилив сил. Не те ли это были, что мы собирали со стекляшек?

– Не-а, – буркнул он, на мгновение оторвавшись от бутылки. Этот зеленокожий любитель выпивки хоть и не отличался трезвым поведением, но хотя бы не буянил в хмельном угаре. Так бы давно лишил его доступа к медовухе. Я заметил тенденцию: осушив седьмую бутылку, он мирно засыпает, обняв свой любимый кинжал, правда, теперь его место заняли другие, и он, напившись, лишь тихонько посапывал, поглаживая их.

– Не желаешь ли прояснить детали? – поинтересовался я в тот момент, когда он вновь поднёс сосуд к губам.

– Бывают среди горошин особенные, – начал он с важным видом знатока, – проглотишь такую – и в жилах будто огненный эль великанов закипает.

– Это ты уже изрекал, причём дословно, – сдержанно заметил я. – Конкретнее: о каких именно горошинах речь?

– Ну как же, тех самых, что на деревьях как их там... Висарий откладывали! – воскликнул он с таким видом, будто это было очевидно даже младенцу.

– Понятно. А теперь скажи: как их распознать среди прочих?

– А тролль его знает, – философски заключил он, пожимая плечами, и сделал очередной глубокий глоток, будто этим исчерпав всю мудрость мироздания. М-да. Так себе из него справочник.

Что ж, понятно, надо дело брать в свои руки.

Достав горошину из сумки, я стал свидетелем поистине устрашающего зрелища: глаза Грохотуна вспыхнули такой ненасытной жадностью, что, казалось, их пламенный взор вот-вот прожжёт во мне дыру размером с футбольный мяч. Однако я стоически выдержал эту немую атаку, ловко подсунув ему вместо вожаемого сокровища мешочек с чипсами.

– Под медовуху такое себе, но тебе сойдёт, – буркнул я, наблюдая, как его пальцы с жадностью выхватывают ломти-

ки картофеля.

Отдать горошину, чтобы этот обжора тут же её слопал и блаженствовал? Ха, вряд ли. Он и так едет, развалясь, словно какой-нибудь король в своей колеснице.

Тысяча золотых... – пронеслось у меня в голове. Если, конечно, гномы согласятся. Нет уж, обойдётся.

Пока я перекачивал шарик в ладонях, мысли невольно возвращались к вчерашнему разговору с гномами. Эти бородатые скряги наверняка попытаются сбить цену до минимума. Но даже если они предложат по сотне золотых за штуку – я стану миллионером. А вот транжирить богатство бездумно я не намерен. У меня есть план, и я буду чётко его придерживаться.

Главное теперь – уладить дело с Чёрным Бором. Если всё сложится, план по заселению леса неправильными пчёлками считай выполнен. Можно сказать, постоянный золотой ручей будет обеспечен.

Правда, за магическую башню придётся выложить хотя бы одно зерно. А может, и два. Чёрт, да я и три отдам без сожалений. Мой будущий род – а в том, что он будет, я не сомневаюсь – должен иметь родовое гнездо, достойное его величия. «Магическая башня» поднимет мой статус так высоко, что и представить сложно. Всё-таки столько тысячелетий гномы никому не строили их.

Тут главное к этому времени стать очень сильным. Чтоб никто не надавил и не продавил меня. Хотя это полбеды. Тут

надо бояться, чтобы не сломали её, как прочие башни. По принципу «так не доставайся никому».

Впрочем, это планы на ближайшее будущее. А таких планов с каждым днём копится всё больше, потому пора становиться богатым и сильным. Да, надо сделать пометку попросить гномов никому как можно дольше не рассказывать о нашем уговоре, если такой всё же случится.

Вернувшись мыслями к горошине, я нахмурился. Она была уж слишком крупной, что её звать горошина. Так, опять не о том думаю.

Сосредоточившись, я взглянул на неё магическим зрением, затем проверил ещё одну, и ещё – перебрал таким образом почти две сотни.

Ничего. Пустота. Ни малейших отличий.

Ладно, попробуем иначе.

Моё зрение, способное проникать в макромир, оказалось куда более редким даром, чем я предполагал. У Ридикуса, у Торгуса – ничего подобного. Я даже рылся в библиотечных фолиантах, но и там не нашёл ни строчки об этом умении. Нет, они могли видеть в сотню раз лучше обычных людей, но так, как я? Вряд ли. Похоже, это что-то уникальное...

Потому как Вейла править не могла, из-за неё Пузырёк вставал намертво, я передал поводья гоблину и перебрался в телегу, начав перебирать шарики заново. Какого же было моё удивление, когда восьмая горошина «счастья» оказалась не такой, как другие. Внутри неё вихрились всполохи энер-

гии, вот только они имели коричневый свет, ближе к шоколадному. Дал его и ещё один Вейле.

– Разницу между ними видишь? – Девушка минуты две вертела, а потом мотнула головой. После обернулась в волчицу и вновь стала разглядывать их в моих руках. Мотая головой, она вернула себе человеческий вид.

– Нет, Кай, не вижу.

– И ничего не чувствуешь, так?

– Ага. Для меня они одинаковые.

– Понял, спасибо тебе.

– А ты когда-нибудь дашь попробовать?

– Да. Обещаю. Но пока на вот это возьми, – достал из сумки горошину, что выпала со стекляшек. Блин, надо им другое название придумать. А то это горошина, то горошина – надоело.

О, придумал. Назову те, что выпали со стекляшек, «Луносемье». Ведь они, как семена, прорастают в теле и дают силы. Оказалось, не всем дают силу.

Вейла, проглотив её, завалилась спать. Когда проснулась, а случилось это только через двенадцать часов, то на её лице был восторг. Как она объяснила позже, после того как обернулась и умчалась в лес, который мы проезжали, принесся нам жирного кролика. Луносемье ей дало не просто силу.

У неё появилась что-то вроде способностей.

Первая – временное повышение скорости, ловкости и регенерации.

Вторая – улучшенное обоняние и увеличение дальности ночного зрения.

Третья – возможность дольше сохранять гибридную форму (полуволчицу) без потери контроля.

Это как когда она была в теле человека, но её пальцы были когтями.

В общем, она 100500 раз сказала спасибо.

Более одной давать я пока не решился. Надо бы у Балмора узнать, нет ли побочных эффектов. Кстати, поэтому-то же Бренор и отказался, ведь он недавно съел зерно. Потому попросил придержать его долю, а это целых три шутки.

Пока Вейла носилась по лесу, как тень, мелькая меж деревьев, я тем временем разглядывал ту самую горошину – странную, будто подёрнутую лёгким матовым сиянием. Правда, это видно только когда я сосредотачивался на ней. А так она ничем не отличалась от остальных. Делать было нечего, а потому я взял да и проглотил её. По вкусу горчичный мёд. Да-да, обычный мёд. Причём если с виду он размерами с шарик для пинг-понга, то ощущение, будто я съел целую банку. Во рту стало приторно сладко до отвращения. Аж пришлось срочно запивать его водой. И знаете что? Ничего. Совершенно ничего. Даже намёка на перемены. Никакой силы.

Но я не из тех, кто сдаётся после первой неудачи, – перебрал ещё три сотни этих загадочных шариков, пока не нашёл вторую такую же... И протянул её гоблину. Ну а что тут та-

кого? Над кем мне ещё проводить испытания? Да, он тоже недавно употребил «Луносемье». Так что теперь, не проводить опыты? Тем более он и сам не против. Разве вам не интересно, как оно на него повлияет?

Когда к вечеру мы остановились на ночлег, я взял листок бумаги, а после протянул ему «подарок». Пока он её глотал, я в это время готовился записывать свои наблюдения.

А вот Пуф... Когда он проглотил горошину. Его стоило видеть. Лицо гоблина озаряла блаженная улыбка, глаза полуприкрыты, словно он купался в лучах незримого солнца. Он бормотал, захлёбываясь от восторга:

– Чувствую... сила... она течёт по жилам, наполняет каждую руку и ногу! Скоро все гоблины склонятся передо мной... только передо мной! Ни один тролль... ни один! Тут он внезапно вскочил, топнул ногой о камень и, горделиво вскинув подбородок, рявкнул: – НЕ ПОСМЕЕТ ПНУТЬ БОЛЬШОГО ПУФА!

– Господина Кайлоса, мне нужно ещё горошина. Дайте, дайте ещё, – потянул он ко мне свои загребушие руки.

Я вздохнул.

– М-да... типичный наркоман, – зажёл искру и пульнул в него, чтоб пришёл в себя. Хм. Подействовало.

Он отлетел на метр и, приземлившись на пятую точку, пробурчал:

– Могли бы просто сказать «нет», – вставая и отряхиваясь, добавил: – Прав коротышка, жадный вы.

– Охренел. Ты только что сожрал то, что я мог бы продать тысяч за пять. Это больше сотни телег, набитых едой.

Глаза гоблина расширились, превратившись в два жёлтых блюдца, видимо, проникся количеством еды.

– Вижу, что понял. Так что обойдётся. И так теперь самый крутой гоблин на свете, – одобрил я его. – И вообще, хватит коверкать моё имя. Я не Кайлоса, а Кайлос. Можешь просто звать Кай.

– Жадн... ой, добрый господин Кай, дай медовухи, а то моя кончилась.

Я помотал головой, доставая очередную бутыль.

– Ты не только наркоман, но ещё и алкаш. Закодировать тебя надобно.

Когда я объяснил, что такое «закодировать». Он долго и старательно умолял не делать этого, иначе жизнь поплывёт и потеряет всякий смысл. А ведь он только-только почувствовал её вкус. В общем, я пообещал подумать, если он будет вести себя хорошо и не коверкать имя.

На следующее утро мы наконец-то достигли стен родного замка. Грохотун не мог уснуть, а потому объявил, что готов править хоть всю ночь, вот так мы и приехали на день раньше.

Когда увидел стены замка Разрушенных Небес, то чуть не расплакался от радости. Шучу конечно, но эмоции захлёсты-

вали. Меня не было всего ничего, а ощущения, будто годами скитался.

Нас встретила у ворот целая толпа – взгляды, полные вопросов. Где мы? Что мы? Как мы? Я отмахнулся от них, подняв руку в успокаивающем жесте. Иначе так и останусь тут до самого вечера.

– Всё объясню позже, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но без раздражения. – А сейчас – соберитесь в большом зале. И главное накормите нас. Мы словно волки после долгой охоты.

– Ой, прости, Вейла, не хотел тебя обидеть, – она только понимающе улыбнулась.

Затем я отступил в сторону, пропуская вперёд своего нового «друга».

– И, кстати... прошу любить и жаловать. Грохотун Большой Пуф, – из толпы раздался детский смех. Понятно, кто смеётся, Скадис.

Отлично, что он здесь, а то боялся, что его вернут домой родители, когда узнают, что с ним приключилось.

– О его подвигах расскажу позже. Поверьте, они впечатляют.

Он крикнул, нервно озираясь, будто ожидал, что кто-нибудь да скажет какую-нибудь гадость. Когда же до него дошло, что злобы или какой-то ненависти в лицах окружающих он не видит, гoblin расслабился.

А ещё я заранее, когда мы только подъезжали к замку,

предупредил: если ляпнет лишнего – закодирую так, что даже родная мать не узнает. Не в курсе, понял ли он угрозу в полной мере, но, будь он знаком с крестным знамением, осенил бы себя раз пятьсот подряд. Хе-хе.

Давить сильнее не стал. Всё-таки мы вроде как друзья, – потому пообещал бочонок доброго пива за хорошее поведение и молчание. Его морщинистое лицо тут же расплылось в улыбке, и он затянул какую-то немыслимую песню, фальшивя на каждой ноте. Смысл, впрочем, был ясен: «Какой же Кайлос славный господин, какой же он великодушный друг!»

– Замолчи или скормлю Генриетте. Вон она из воды выглядывает, – буркнул я, и он тут же притих, будто язык проглотил. Заметив, как нас из воды смотрит некто с острыми зубами, коих куда больше, чем у него. Он вообще накрылся мешком, когда мы проезжали по опущенному мосту. Хе-хе.

В большом зале собрались все.

Абсолютно все.

Я лично попросил об этом Торгуса – и стоило ему взглянуть на моё лицо, как в его глазах мелькнуло понимание. Он даже замер на мгновение, будто не веря собственным догадкам, но без лишних слов кивнул и отправился созывать народ. Когда последние крошки исчезли с тарелок, я поднялся и прошагал туда, где сидел малой.

Тишина воцарилась сама собой.

Шаги гулко отдавались в каменном зале, пока я подходил к Скадису.

– Скадис Ворхельм, встань, – объявил я со всей торжественностью.

Он сидел, сгорбившись, будто стараясь стать меньше под тяжестью всеобщего внимания. Но, видя моё прекрасное расположение духа, он понемногу вернул себе хорошее настроение.

– Ты ценой своего источника спас меня от смерти. – Я сделал паузу, давая словам проникнуть глубже. – И я дал тебе обещание: во что бы то ни стало вернуть тебе магию.

Его пальцы сжались в бессильных кулаках, но он молчал.

Как ни старался он казаться неунывающим – как ни отшучивался, ни прятал глаза, – уже в семь лет Скадис понял всю горечь своей потери. Понял, что значит просыпаться и не чувствовать в жилах привычного жара магии, не слышать её шёпота под кожей. Понял, что мир стал тусклее, тише... меньше.

При этом он никогда не сожалел о сделанном. Кайлос – его друг, и, представься ему шанс, он поступил бы точно так же.

И теперь, когда все смотрели на него, он только стиснул зубы – дабы не дрогнули губы, не выдали то, что месяцами копилось внутри: ярость, отчаяние... и крохотную, почти угасшую надежду. И вот сейчас...

Я сунул руку в карман и вынул «Зерно Возрождения» – ту самую легендарную, можно сказать, сказочную или, скорее, мифическую жемчужину, что досталась нам от Смарагдового Пастыря.

Оно лежало на ладони, переливаясь глубинным, почти живым светом.

– Пришло время исполнить обещанное.

Никто, кроме Торгуса, не понимал, что я держу в руке, ну, может, ещё Милена. Все остальные просто видели некий шарик, что светиться. Вот и всё, что они видят. А вот Громовержец не выдержал и вскочил.

– Это правда оно?

– Да, учитель. Я добыл там... Вообще, позже вам всё расскажу.

– Давай, малыш, ешь. Пора вернуть тебя в наши ряды.

Скадис дрожащей маленькой ручкой взял зерно и проглотил её. В тот же миг его тело окутало лёгким сиянием. Малой потерял сознание и начал заваливаться, но мы быстро его поймали. Это продлилось всего каких-то секунд пять, но над малышом уже столпились все, кто был за столом. Он открыл сначала один глаз, затем второй, а после медленно проговорил:

– Чувствую. Я её чувствую.

Мы подняли его на ноги и усадили на стул, а он, оглядев нас, вытянул руку и усилием воли зажёг маленький, совсем крохотный вихрь из молний.

Я думал, сейчас на нас потолок замка обрушится, и уже был готов активировать барьер. Столь громогласный ор издал магистр молний Торгус Ворхельм.

Маг поднял внука и закружил, а после, поставив его на ноги, подошёл и обнял меня, да так крепко, что мой магический скелет едва выдержал.

– Отпустите, мне дышать нечем, – едва выговорил я.

Дальше народ гулял два дня. Мы пили и ели, а я рассказывал о наших приключениях. Раз десять, наверное, или больше. Когда гуляния закончились, я провёл полдня в кабинете Торгуса, где рассказал более подробно, но также без некоторых деталей. Когда же с рассказом было покончено, я приступил к тому, к чему очень долго боялся приступить.

– Учитель, прежде чем Торвальд передаст мне земли и начнёт строить замок с башней, я хочу выкупить у вас Чёрный бор.

– Зачем он тебе?

– Простите, пока не могу рассказать. Со временем вы всё узнаете.

– Ты же понимаешь, смысла его продавать мне нет. От золота у меня подвалы ломаются. Зачем оно мне надо?

– Вы же сами говорили, что земли, которые вам дали гномы, слишком обширны. Плюс те, что подарил император. А вам одному за всем этим следить не с руки.

– Мало ли чего я говорил. Всё, хорош юлить. Говори, что хочешь предложить взамен.

– Эх-х. Может, всё-таки лучше золотом? – но, увидев, как он нахмурился, я сдался. Почти.

– Могу предложить горошины, дающие силу.

– Нет, мне магия привычна, а силу я и эликсирами могу получить.

– А вдруг она...

– Кай, хватит. Нет, значит, нет.

– Как скажете. Тогда что вы думаете о том, чтобы стать архимагом?

– Так и знал, что у тебя есть ещё одно зерно. Давай, показывай.

Достал его и протянул ему. Боялся ли, что он меня обманет? Да, наверное. Но скорее нет, чем да.

– Кстати, сколько вам до архимага?

– В том-то и дело, что немного, и если проглочу её сейчас, стану им сразу, а вот если...

– Думаете, он сможет вас с архимага на архимагистра дотянуть?

– Без понятия, ученик. Это же только легенды, – он вернул мне его. – В общем, я согласен. Но только при одном условии: ты не можешь его продать, передать или подарить. В случае угасания твоего рода он вернётся в мой.

– Тогда вы подпишете, что никогда не вступите в сговор с теми, кто объявит войну мне.

– Разумно, – мы пожали друг другу руки.

– Всё, иди отдыхай, мне надо о многом подумать.

Отдохнуть я не удосужился – вместо этого направился напрямиком на кухню. В голове горела идея, и её срочно нужно было воплотить в жизнь.

Я давно хотел приготовить одно татарское лакомство, но вечно не находилось времени. И вот вчерашнее озарение: а что, если соединить традиционный чак-чак с горошиной счастья? Гениально, Женя! Настоящая золотая жила для моей таверны. Если получится.

Представьте: приходит студент, раздавленный провалом на экзаменах, откусывает кусочек – и вот уже мир вновь играет яркими красками. Никаких искусственных усилителей вкуса – только чистая магия. Патентовать? Да зачем, если никто, кроме меня, не в силах раздобыть эти самые горошины Гулдумов – или, если угодно, Виссариев. Пусть себе копируют обычный чак-чак, без волшебной начинки он жалкая пародия на моё творение.

Выпроводив всех с кухни, я закатал рукава и приступил к делу. Творожные шарики, обжаренные до золотистой хрусткости, аккуратно уложил в глиняную миску. Затем вытащил из сумки обычный синий шарик, без той энергии и вскрыл его – тут началось волшебство.

Казалось бы, небольшой шарик, но, когда я надрезал его оболочку, из него вытекло добрых сто пятьдесят граммов густой, переливающейся синевой субстанции. Она тянулась,

как свежий мёд, искрясь и переливаясь всеми оттенками морской глубины.

Этого с лихвой хватило на полтора килограмма чак-чака. В моём мире татары – народ, знающий толк в мучных сладостях. Их традиционное блюдо золотистого цвета, а моё же творение сияло, как волны под тропическим солнцем. Шарики, сохраняя нежную мягкость, обрели форму кристаллов, будто выточенных из сапфира. Кулинары бы отдали души дьяволу, чтоб уметь готовить такое. Хе-хе.

Золото, я получу много золота. Сам Скрудж МакДаг позавидует моей сокровищнице.

Отломив кусочек, я отправил его в рот. Вкус – приятный, но... обыкновенный. Тут-то я и вспомнил: на меня эти горошины не действуют.

Пришлось звать дегустаторов.

Ну как звать...

Я распахнул дверь – и едва увернулся от лавины тел.

Толпа, столпившаяся у кухни, буквально ворвалась внутрь, словно я открыл не дверь, а шлюзы плотины.

Когда все уселись за стол, а те, кому не хватило места, заняли место рядом, я выставил своё творение.

– Хочу представить вам моё новое творение «магический чак-чак».

Первым попробовал Торгус и мечтательно расплылся в улыбке. Затем все остальные брали по одному шарiku, а их лица становились аналогичны хозяину замка. Прошло минут

пять, когда учитель, перестав улыбаться, с подозрением в голосе спросил:

– Тут есть этот твой усилитель? – Остальные тут же напряглись. Никто не хотел повторения.

– Нет. Ничего такого. Только горошина, о которой я вам рассказывал.

Пока все отвлеклись, гоблин попытался ухватить остатки. Но был схвачен рукой Торгуса.

– Куда лезешь вперёд хозяина? – И сам сгрёб остатки и закинул в рот. Да уж, в этом с ним лучше не шутить. А будь тут Огнебровый, мог бы и поджечь для лучшего запоминания.

– И да, одно блюдо стоит тысячу золотых, – народ вытаращился на меня, будто я у них душу забираю. – Поэтому второго раза готовить не буду. И не просите. С другой стороны, – решил я перевести стрелки, – вы, уважаемый Торгус, можете себе это позволить. Сам виноват, нечего было хвалиться перед мной бедным и несчастным. Это я про недавний разговор, в котором он говорил, что у него подвалы ломаются от золота. Знаете, как мне плохо было. Ведь я так ответить не могу, а мне ой как хочется так же козырнуть.

– Обойдусь. По крайней мере пока.

– Ну, дедушка. Это так вкусно, – застонала Милена.

– Вкусно и дорого. Вырастишь, заработаешь и купишь себе сама. И вообще, чего ко мне пристала, вон к Кайлосу приставай.

Она повернулась ко мне и уже было хотела сказать, но я

быстро ретировался, сославшись, что надо срочно в башню. Мне что-то летело вдогонку, но я вовремя увернулся – косая, – бросил я и свернул за угол.

Пора готовиться к учёбе.

Глава шестая

За что мне это всё?

Первым делом я принялся за очищение башни – от внутренних стен до крыши для медитации. Каждый камень, каждая щель между плитами были вымыты до такого состояния, что древняя кладка начинала отсвечивать, будто полированный агат. Внутренние таблички блестели, будто их только повесели. Когда закончил здесь запахло прохладной свежестью, а витражи, пропуская солнечные лучи, рисовали на стенах причудливые узоры. Я оглядел дело рук своих и был крайне доволен проделанной работой, и не только я. Башня так же высказала своё спасибо.

Затем начался этап кропотливого изучения. Я решил – не двинусь дальше, пока не освою каждое заклинание первого этажа в совершенстве, до стопроцентного понимания. Молния должна была стать моей визитной карточкой, разящим копьём в открытом противостоянии. Тьма же... тьма превращалась в козырного туза, спрятанного в рукаве. О существовании, которого не должен знать никто.

Потому попросил учителя о двух вещах: научить меня

скрывать применённую юную магию, о которой говорил Рид, а также накладывать морок на кольцо. Чтобы все думали, что оно обычное, дешёвое. Так мне будет легче. Он, конечно, предупредил, что опытного мага не обмануть, но мне этого не нужно. Хватит и того, что отважу с лишними вопросами будущих однокурсников.

До академических экзаменов оставалось три месяца – срок, вызывавший нервный озноб. Времени – в обрез, а потому чай «Прозрения», горький и обжигающий, стал моим верным спутником, заменяя сон и отдых.

Скадис, вновь обрётший магию, заразился моим упорством. Теперь мы тренировались вместе – и в заклинаниях, и в физической выносливости. К удивлению, Милена уже на следующий день присоединилась к нашей беговой рутине, а после упорно штудировала гримуары в башне. Странно, но групповые занятия дали неожиданный эффект – прогресс ускорился, причём не только у них, но и у меня.

Когда внуки Торгуса, измождённые тренировками, отправлялись на обед, я оставался. Башня недавно сделала подарок и открыла мне новые страницы – те, что раньше не значились в гримуаре Морвенс, те куда она вложила знания Альбуса Мязежного. Оказалось, она записала в него всё, что знал предок Ворхельмов, абсолютно всё. Пусть знаний было не так много, но теперь у меня появилась возможность выучить их идеально на 100%. Я имею виды заклинания тьмы. Но вы и так это поняли.

А теперь – о последствиях такого усердия.

После двух недель такой изнурительной учёбы моя голова гудела, словно растревоженный улей. Источник магии, выжатый до дна, шептал мне едва уловимыми импульсами: «Ещё раз меня опустошишь в ноль – и я отдам концы». Я почти не спал – постоянно медитируя на крыше, заодно глуша усталость чаями и разыми зельями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.